

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

АЧИЛОВА ФАЗИЛАТ РАХМАДЖАНОВНА

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

**Специальность: 5А 120102
Лингвистика (русский язык)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

Работа рассмотрена и
допускается к защите.
Зав. кафедрой русского языка и
литературы

_____ к.ф.н. доц.
Н.М.Петрухина
«__» _____ 2014 год

Научный руководитель
к.п.н., доцент Лагай Е.А.

Ташкент – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ	10
1.1. Логико-лингвистические аспекты изучения оценки	10
1.2. Структура оценки и ее типы	14
1.3. Способы выражения оценки	22
Выводы по главе	34
ГЛАВА 2. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ РЕЧЕВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА	37
2.1. Особенности функционирования прилагательных оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	39
2.2. Оценочная лексика как средство характеристики героев романа Л.Н.Толстого «Война и мир»	52
Выводы по главе	65
ГЛАВА 3. ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗАХ В.М.ШУКШИНА	68
3.1. Оценочность как основная категория в рассказах В. М. Шукшина	70
3.2. Общая характеристика «чудиков»	73
3.3. «Античудики» и их языковая представленность	88
Выводы по главе	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	102
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	106

ВВЕДЕНИЕ

Новый этап экономических и социальных реформ предусматривает в качестве приоритетных направлений государственные инвестиции на поддержание систем жизнеобеспечения населения страны. Наше общество заинтересовано в этих инвестициях, поскольку повышение уровня образования граждан страны обеспечивает экономический рост республики, увеличивает производительность труда, в конечном счете, определяет место республики в международном сообществе.

Образование – это инвестиции в человеческий фактор, один из основополагающих факторов экономического и социального прогресса, духовного обновления общества. По этому поводу Президент Узбекистана И.А.Каримов подчеркивает: «... дело образования, дело воспитания нового поколения, способного на практике осуществить идею национального возрождения, должно оставаться одной из самых приоритетных задач нового государства».¹

Из сказанного выше вытекает вывод об особой значимости в плане духовно-нравственного воспитания личности содержания гуманитарного компонента образования, наиболее открытого для формирования всесторонне развитого молодого поколения.

Актуальность данной работы. Исследование оценки как универсальной категории, в течение долгого времени приковывавшей к себе внимание психологов, философов, логиков, в последние десятилетия приобретает особую актуальность в лингвистических описаниях. Если в философских исследованиях на протяжении многих лет идут дискуссии о гносеологическом статусе оценок и о том, какова природа «настоящих» оценок - когнитивная или аффективная, а психология рассматривает оценивание как «важнейшую функцию сознания», то лингвистов интересуют вопросы языковой

¹ Каримов И. А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Т.: Узбекистан, 2011. – С.67.

репрезентации оценки: специфика выражения на разных уровнях языковой системы, статус оценочного компонента в структуре значения слова, эмотивно-оценочные аспекты описания языковой личности.¹

Более чем вековой опыт изучения оценки в философии и психологии показал всю ее сложность и многогранность, что породило массу конкурирующих и диаметрально противоположных решений в языкознании. Все это говорит, во-первых, о неординарности проблемы оценки в целом для науки; во-вторых, об уникальной многогранности и широчайшем распространении феномена оценки в различных сферах деятельности человека и общества.

Оценочные явления разных уровней и природы, сложно взаимодействуя между собой, представляют собой реализацию оценочной функции психики, которая занимает промежуточное место между познавательной и регуляторной функциями. М.В.Никитин определяет оценку как одну из центральных операций сознания, своеобразную по цели, средствам и методу, тем самым расширяя традиционные представления об этой категории.² Оценка - мыслительное действие на интуитивной основе, которое ориентировано на выявление наличия тех или иных признаков у вещей и событий. Оценивание, являясь одной из основных функций человеческого сознания, может осуществляться только посредством языка - в этом проявляется взаимосвязь языка и мышления. В оценке проявляются общие законы человеческого мышления и познания мира, поэтому она является универсальной лингвистической категорией.

Степень изученности проблемы. Основоположителем современной теории языковой оценки явился швейцарский лингвист Ш. Балли, который в начале XX века впервые наметил те проблемы, которые активно стали

¹ Смирнова Л.Г. Слова с оценочным компонентом значения разной частеречной принадлежности. - СПб.: Слово, 2010. - С.69.

² Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. - СПб.: Просвещение, 2000. - С.67.

разрабатываться в языкознании, начиная с середины XX века. Ш. Балли предложил терминологию, которая обозначила важнейшие понятия в данном направлении лингвистики (негативная и позитивная оценка, логическая и эмоциональная оценка, социальная окраска и др.).

Развитие идей Ш. Балли прослеживается в разработке В.В. Виноградовым проблемы модальности как функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности. Важный вклад в теорию оценки в рамках логической парадигмы внес А.А. Ивин. Впоследствии в центр внимания лингвистики попали такие вопросы, как рассмотрение субъекта, объекта оценки, объединяющего их аксиологического предиката, аспекта оценки, оценочного стереотипа и шкалы оценок (Е.М.Вольф, В.Н.Телия, Н.Д.Арутюнова и др.). Значительно расширилось представление о языковых способах выражения оценки в процессе разработки общей теории экспрессивности как семантического явления (В.И.Шаховский, Н.А.Лукьянова). Весьма важной с точки зрения понимания природы оценочной семантики явилась разработка теории коннотации и коннотативной семантики (Ю.Д.Апресян, В.Н.Телия). В последние десятилетия появляется целый ряд работ, в которых изучается оценочный компонент значения лексических единиц, взаимодействие оценочности с другими языковыми категориями (Л.А.Сергеева); анализируется оценочная семантика как компонент коннотативного значения слова (Г.Г.Кругликова); рассматриваются разноуровневые средства выражения оценочного значения, в том числе грамматические способы передачи оценочного прагматического сигнала (Т.В.Маркелова); выявляются словообразовательные средства создания оценочной семантики (А.А.Карамова); определяется роль оценочно маркированных языковых средств в тексте, в том числе в художественной литературе (Т.Ю.Колясева, М.В.Головня и др.).

К числу широко разрабатываемых проблем лингвистической науки относится изучение индивидуальных языковых систем, однако исследования

языка оценок немногочисленны. Оценочные средства раскрывают ценностные ориентации языковой личности, формируют индивидуальный творческий стиль. Изучение идиостиля конкретного автора открывает новые стороны проявления категории оценки.

Таким образом, анализ лингвистической литературы показывает, что, несмотря на значительное количество исследований, вопрос системного изучения аспектов функционирования средств выражения оценки в художественном тексте, и в частности в произведениях Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и В.М.Шукшина, еще не являлся предметом специального рассмотрения. Именно потребность восполнить этот пробел обусловила выбор **и актуальность темы исследования.**

Объектом исследования выступают эмоционально-оценочные лексические единицы как одно из важнейших средств выражения оценочной семантики в произведениях Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», Л.Н. Толстого «Война и мир» и рассказах В.М.Шукшина.

Предметом исследования являются функциональные, семантические особенности эмоционально-оценочной лексики в художественном тексте, в частности, в указанных произведениях.

Цель работы - исследовать эмоционально-оценочную лексику в художественном дискурсе в функционально-семантическом аспекте, определить ее значимость как способа выражения характеристики персонажей в художественной системе писателей.

В соответствии с обозначенной в работе целью были поставлены и решались следующие **задачи:**

1) описать теоретическую базу исследования, для чего рассмотреть категорию оценочности; ее место среди других категорий лингвистики, соотнести оценочность с эмотивностью (эмоциональностью); определить взаимоотношения оценки и ценности; выявить роль аксиологического фактора в функционировании оценочных лексико-семантических единиц;

2) выявить и описать разноуровневые языковые средства выражения оценки;

3) проанализировать семантические особенности оценочной лексики, использование которой обусловлено индивидуальным сознанием, авторской оценкой изобразительного потенциала разнообразных языковых единиц, избранных писателями для характеристики образов героев.

Методы исследования. В качестве основного в работе использовался метод научного описания языкового явления с его приемами (сравнения, сопоставления, статистической обработки данных), ориентированный на выявление многообразных связей и отношений лексико-семантических единиц с оценочным компонентом значения. При описании особенностей их употребления в контексте использовались элементы функционально-семантического, компонентного анализа. При выявлении коннотативных компонентов языковых значений привлекалась методика анализа словарных дефиниций. Фактическая база исследования была сформирована с использованием метода сплошной выборки.

Научная новизна нашей диссертации заключается в том, что предпринят комплексный анализ эмоционально-оценочной лексики на материале произведений Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, В.М. Шукшина. Изучение данного пласта лексики авторов позволяет представить эмоционально-оценочную лексику как важное языковое средство идиостилей писателей, используемое для решения определенных авторских задач. Описание оценочных средств позволяет выявить принципы художественного мышления автора-творца и реконструировать его художественную картину мира, имеющую самостоятельную практическую ценность для лингвистики.

Рабочая гипотеза заключается в утверждении, что использование средств эмоционально-оценочной семантики обусловлено мироощущением автора и передает его собственное, субъективное видение тех или иных предметов или явлений, а также авторской оценкой изобразительного потенциала

разнообразных языковых единиц, избранных писателем для характеристики образов героев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Категория оценки является языковой семантической категорией, обладающей перечнем типологических признаков: наличием универсального смыслового содержания, разнообразных языковых средств выражения, прагматической направленностью, функциональной предназначенностью.

2. Индивидуальные черты художественного пространства текстов Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, В.М.Шукшина воплотились в системе языковых оценок окружающей действительности, и, прежде всего, - человека. Именно аксиологическая «картина мира» рассматриваемых авторов образует фундамент их жизненных приоритетов, составляет своеобразие идиостилей.

3. Исследование единиц эмоционально-оценочной лексики помогает точнее определить угол зрения, под которым следует рассматривать персонаж и его значение в романе, цель введения каждого героя в произведение в зависимости от того, носителем каких моральных и духовных ценностей он является, и таким образом раскрыть основные направления творческой мысли писателя, которые формируют сферу его интересов и художественных поисков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет расширить представление о функционировании оценочных лексических единиц, способствующих раскрытию ценностных ориентаций языковой личности, в текстовом поле. Оценочная лексика рассматривается с позиции индивидуально-авторского толкования в художественном тексте.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов исследования при разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных аксиологической проблематике, а также изучению идиостиля писателя; при обучении лингвистическому анализу художественного текста студентов-филологов, учащихся школ, колледжей и

лицеев. Материалы диссертации также могут быть использованы в лексикографии, например, при составлении словаря языка писателя.

Апробация основных положений исследования осуществлялась в виде научных сообщений, а также путем публикации тезисов:

1) «Оценочная лексика как средство отражения авторской позиции»// Материалы молодежного научно – творческого проекта «Инновации мировой филологии в молодежной науке XXI века: результаты и перспективы». – Выпуск 2. – Т., 2014.

2) «К вопросу о способах выражения оценки на лексико-семантическом уровне» // Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова. - Т., 2014.

Поставленные цель, задачи и внутренняя логика исследования предопределили объем и **структуру диссертации**, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

1.1. Логико-лингвистические аспекты изучения оценки

В процессе практической деятельности человек, с одной стороны, познает мир, раскрывая природные качества вещей, классифицируя предметы и явления, с другой стороны, характеризует явления объективного мира с точки зрения их ценностного характера - добра и зла, пользы и вреда и т.п. Как писал Ф. Ницше: «Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, - он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называет он себя человеком, т.е. оценивающим».¹ Для человеческого сознания, помимо номинативно-классифицирующей деятельности, обслуживающей познавательные потребности человека, «столь же естественно реагировать на мир эмоционально, квалифицируя обозначаемое как приятное или неприятное, полезное или бесполезное, чрезмерно большое или слишком малое, интенсивно или мало проявляющееся, представляющее собой личностное или социальное «добро» или «зло».² Таким образом, оценка - универсальная функция сознания, общественно значимое явление.

Оценка как явление - проблема междисциплинарная. Особенно интенсивно проблема оценки обсуждалась в философских науках (в аксиологии, логике, этике и эстетике), в некоторых из них «оценка» выступает как базовая категория науки. В трактатах многих крупнейших философов о природе человека имеются дефиниции основных понятий, относящихся к «добру» и «злу». Начиная с античных времен, семантика «добра» обсуждалась в работах философов, было выдвинуто множество гипотез, которые исторически

¹ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. - Т.2. - М.: Наука, 1990. – С.42.

² Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. – С.20.

изменялись и были неразрывно связаны с общефилософскими взглядами авторов.

Впервые круг проблем, связанных с изучением оценки, был обозначен Аристотелем. По его мнению, для того, чтобы описать категорию оценки, нужно, во-первых, выделить виды объектов, способных получать оценочную квалификацию, во-вторых, выявить контексты для оценочных понятий («добро», «счастье», «удовольствие»), а в-третьих, эксплицировать значения оценочных предикатов. В дальнейшем эти проблемы пытались решить в свете различных исследовательских подходов.¹

Одним из аспектов проблемы оценки, активно обсуждаемой в философии, является вопрос о функциях оценки. Исследования данного вопроса позволяют выделить три функции. Первая из них связана с отражением (познанием) ценностных свойств или вообще ценностей; вторая - с выражением субъективного отношения человека к действительности; третья - с регуляцией поведения и деятельности. Это свидетельствует об особом статусе, который придаётся оценке в философии. Оценивание признается «важнейшей функцией сознания».²

Достаточная разработанность оценочной проблематики в логико-философской традиции вызвала интерес у лингвистов, занимающихся оценочной модальностью.

Так, представители логико-философского направления (Дж. Мур, А.А.Ивин, Н.Д.Арутюнова) сделали объектом своего изучения связь языковых и аксиологических структур, которая выявляется в процессе анализа языковых употреблений.

Представители функционально-семантического направления (Е.М.Вольф, Т.В.Маркелова и др.) рассматривают категорию оценки как функционально-

¹ Будагов Р.А. Человек и его язык. - М.: Изд-во Москов. унив-та, 1996. - С.29.

² Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - С. 31.

семантическую и ставят целью изучение системы языковых средств, выполняющих оценочную функцию.

Сторонники функционально-прагматического подхода (В.И.Шаховский, В.Н. Телия, Ю.Д.Апресян и др.) решают целый комплекс проблем, связанный с функционированием оценочных средств языка.

В последние десятилетия в связи с возникновением и становлением новых научных парадигм наметились иные подходы к изучению оценки. Так, оценка начинает рассматриваться в контексте сознания – личностного или языкового. В контексте личностного сознания, а именно в плане выявления роли оценочного параметра в психологической структуре значения, оценка исследуется в современной психолингвистике (А.А.Залевская, Е.Ю.Мягкова, Е.Н.Колодкина). В контексте языкового сознания оценка рассматривается как фактор, структурирующий его ядро (Н.В.Уфимцева, О.А.Голубкова) и формирующий «ценностную картину мира» (Ю.Н.Караулов, Е.С.Яковлева).

Таким образом, сейчас, когда предметно-пространственное описание мира сменяется изучением его процессуальных характеристик, когда «онтология происходящего моделируется в виде системы концептов, реконструируемых по данным языка»,¹ исследование оценок, складывающихся в практической деятельности людей, приобретает особую актуальность.

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Оценочные определения всегда предполагают свойства объекта: *Этот фильм хороший; Эта дорога плохая; Это негодный вариант; Это великолепный ход.*

Отношение субъекта к предмету может быть самым разным, предмет может оцениваться с точки зрения его соответствия-несоответствия стандарту, или эстетическому идеалу, или этическим нормам, с точки зрения его

¹ Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки. - М.: Наука, 1985. – С. 33.

известности-неизвестности, нужности-ненужности, полезности-вредности, удобства-неудобства, с точки зрения вызываемой им эмоции и т.д.

Сама по себе оценка, как ни одна другая категория, имеющая отношение к человеку, обусловлена жизнью, мышлением и деятельностью человека.

Оценка, следовательно, - это выраженное в словесной форме отношение человека к чему-либо (к предмету, явлению, процессу, состоянию, к самому себе, к другому человеку и т.п.).¹

Обычно в различных работах лингвистического, философского, логического характера оценка связывается с установлением ценностного отношения между субъектом и объектом.

«Философский словарь» определяет ценности как «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительные или отрицательные значения для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы)».² Понятие ценности (и связанное с ним понятие оценки) является одним из основных, определяющих сущность Человека. Ценностная ориентация является одной из важных характеристик человеческого способа освоения действительности, а ценности составляют основу человеческого мировоззрения. По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям. Таким образом, понимая под ценностью все, что имеет человеческое, социальное и культурное значение, мы определяем оценку как положительную или отрицательную характеристику предмета, обусловленную

¹ Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. - СПб.: Просвещение, 2001. – С. 39.

² Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. - М.: Энциклопедия, 1987. – С. 534.

признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям.¹

Очевидно, необходимо отличать оценку в узком смысле слова, связанную с признаком «хорошо/плохо», что соответствует данному выше определению, от оценки в широком смысле, или квалификации, которая может быть определена «как суждение познающего субъекта о предмете, опирающееся на сравнение данного предмета с избранным эталоном».² В понятие оценки в широком смысле входят также количественные оценки, оценки величин.

Проанализировав многочисленную литературу по данному вопросу, в качестве исходного мы взяли для себя следующее определение: «оценка - это функционально-семантическая категория, реализуемая в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств»³.

1.2. Структура оценки и ее типы

В структуре оценки традиционно выделяют следующие самые важные компоненты: субъект, объект (предмет), основание и характер.⁴

Под субъектом оценки понимается лицо (часть социума или социум в целом), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки. Оценка невозможна без субъекта, она всегда субъективна.⁵ Субъект дает оценку на основании имеющейся в его «картине мира» шкалы и соответствующих стереотипов.

Субъект оценки может быть индивидуальным или представлять собой общественное мнение. Для экспликации того и другого в языке имеются специальные способы (например, модальные слова). Однако, даже если субъект

¹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 2001. - С. 69.

² Кругликова Г.Г. К семантике количественной оценки.// Языковые единицы в речевой коммуникации. - СПб.: Просвещение, 2001. - С.81.

³ Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. - М.: Академия, 1999. - С. 28.

⁴ Ивин А. А. Основания логики оценок. - М.: Просвещение, 2006. - С. 14.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1994. - С.292.

оценки не выражен, он всегда имплицитно присутствует в оценочном высказывании.

Объект оценки - предметы, «которым приписываются ценности или ценности которых сравниваются».¹ «По существу все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве предметных ценностей, как объектов ценностного отношения, то есть оцениваться в плане добра и зла, истины и неистины, красоты и безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д.»²

Основание оценки, то есть то, с точки зрения чего производится оценивание. Под основанием мы понимаем ту «позицию или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами». Это могут быть «потребности, интересы, установки личности или социальной группы, стандарты, образцы, правила, общественные императивы или запреты, цели или проекты, выраженные в форме норм».³ Оценочное отношение актуализирует в сознании соответствующие ценностные сферы вместе с присущими им оценочными нормативными шкалами.

Основание оценки выполняет разную функциональную нагрузку. Во-первых, оно усиливает иллюкативную силу высказывания, весомость, убедительность оценки. Во-вторых, служит оправданием отрицательной оценки или снижает ее категоричность. Например: *Играла она плохо: сюсюкала, конфузилась* (А. Чехов «Трагик»).

Трудность выявления оснований оценки связана с тем, что чаще всего они не находят явного выражения. Например, в суждении *Это яблоко хорошее*, предмет оценки - яблоко, основание - те ощущения, которое это яблоко

¹ Ивин А. А. Основания логики оценок. - М.: Просвещение, 2006. - С.23.

² Физический энциклопедический словарь: В 5 т. - М.: Энциклопедия, 1985. - Т.4. - С. 265.

³ Сергеева Л. А. Категория оценки и способы ее выражения в современном русском языке // Исследования по семантике (семантика языка и речи). - Уфа, 1991. - С.23.

вызывает у нас. Порой бывает трудно разграничить предмет оценки и ее основание; и очень часто само основание какой-либо оценки может стать предметом новой оценки.

Еще одним компонентом оценочной структуры в логическом понимании является ее характер.

Все оценки могут быть разделены на две группы: 1. Абсолютные оценки, в формулировках которых используются такие термины, как «хороший», «плохой», «добро», «зло», «безразличное». 2. Сравнительные оценки, выражаемые с помощью таких терминов, как «лучше», «хуже», «равноценно».¹

Характер абсолютной оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как «хороший» или как «плохой», или же как «безразличный».

Характер сравнительной оценки зависит от того, устанавливает ли она превосходство в ценности одного предмета над другим, или она говорит о том, что один из сравниваемых предметов обладает меньшей ценностью, чем другой, или же она характеризует сопоставляемые предметы как равноценные.

Понимание характера оценки обуславливает *оценочную типологию*.²

В ранних работах по этике и аксиологии обычно выделялись немногие виды оценок. Общая классификация добра у Аристотеля сводилась к трем основным типам: 1) внешние блага, 2) блага, относящиеся к душе, 3) блага, относящиеся к телу. Гоббс выделял три вида добра: «добро в обещании, добро в действии как желаемая цель и добро как средство; что мы обозначаем словами «полезное, выгодное»; столько же мы имеем видов зла: зло в обещании, зло в действии и результате и зло как средство».³ Большинство авторов резко различали две категории ценностей: добро как средство и добро как цель или иначе, относительное и абсолютное.

Однако по мере семантизации аксиологических исследований классификации добра становились все более дробными. Новые системы

¹ Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок. - М.: Академия, 2005. – С.44.

² Золотова Г. А. О категории оценки в русском языке. – М.: Высшая школа, 2000. – С.68.

³ Там же. – С.38.

касались не онтологии добра, а смысла, который приобретают оценочные предикаты в разных контекстах употребления.

В 1963 году финский логик Г. Х. Вригт предложил следующую классификацию оценок: 1) инструментальные оценки (*хороший нож, хорошая ищайка*), 2) технические оценки, или оценки мастерства (*хороший администратор, плохой специалист*), 3) оценки благоприятствования (*плохой, вредный для здоровья*), 4) утилитарные оценки (предыдущий тип может рассматриваться как частный случай утилитарных оценок): *хороший совет, плохой план*, 5) медицинские оценки, характеризующие физические органы и психические способности (*хороший вкус, хороший обед*). Этическая оценка (*добрая воля, хорошее намерение, плохой поступок*) рассматривается фон Вригтом как вторичная, производная от оценки благоприятствования. Фон Вригт не считает, что его классификация исчерпывает все многообразие употребления оценочных предикатов. Речь идет о выделении опорных категорий.¹

Классификация оценочных предикатов может базироваться на сходстве и различии в репрезентации ими оценочных смыслов. *Первое* важное различие обусловлено интерпретацией оценки, которая, в свою очередь, связана с признанием\непризнанием ценностного характера оцениваемого объекта. В ценностную картину мира включаются не все имеющиеся в реальной действительности предметы, явления и особенно события, поскольку не все они включаются в сферу жизненных интересов человека. В этом плане *хорошее* – значит «соответствующее идеализированной модели макро- или микромира», осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* – значит «не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров».²

¹ Вригт Х.Г. Логико-философские исследования. - М.: Наука, 1996. – С.187.

² Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки. - М.: Наука, 1985. – С. 59.

Кроме того, для вещей многих типов вообще не существует социальных стандартов, в силу чего «утверждение, что эти вещи являются хорошими или что они являются плохими, не имеет смысла».¹

Наряду с положительной и отрицательной оценкой выделяют безразличное отношение к объекту. Иногда его называют нейтральной, или нулевой оценкой.²

Зона положительных и отрицательных оценок находится по разные стороны от некой исходной точки на оценочной шкале. При этом в пределах положительной зоны преобладают эмоционально-субъективные оценки, в то время как отрицательные оценки чаще являются оценками «от объекта», поскольку в них обычно содержатся указания на свойства оцениваемого объекта,³ что отражается в репрезентирующих их значениях.

Разграничение положительной и отрицательной оценки имеет концептуальную природу: понятия, несовместимые друг с другом, не могут оцениваться одинаково, например, если понятие «честный» в картине мира оценивается положительно, то понятие «бесчестный» уже не может интерпретироваться как «хороший».⁴ Это подтверждается наличием тесной связи положительной и отрицательной оценки с категорией отрицания: отрицание положительной оценки дает отрицательную и наоборот, правда, это положение справедливо лишь по отношению к рациональной оценке – в области эмоциональных оценок антонимические отношения, как и синонимические, прослеживаются непоследовательно.

Положительные и отрицательные оценки обуславливают функциональные различия репрезентирующих их значений: с одной стороны, они различаются типами эмотивности, с другой – иллюквативными силами (совет, запрет, угроза и т.п.), а с третьей – разными типами поведения – от предпочтения до неприятия.

¹ Ивин А.А. Основания логики оценок. - М.: Наука, 2006. – С. 44.

² Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок. - М.: Академия, 2005. – С. 28.

³ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 2001. - С.20.

⁴ Ивин А.А. Основания логики оценок. - М.: Наука, 2006. - С. 98.

Вторая линия концептуальных различий между оценочными значениями связана с различием общих и частных оценок. Как уже указывалось, оценочные значения в конечном итоге имеют аксиологическую природу.¹ В них отражаются различные аспекты ценностей: *полезно\вредно, годный\негодный* и др. или их психологическое восприятие: *интересно\неинтересно, приятный\неприятный* и др. В свою очередь, психологическое восприятие ценностей может быть окрашено модальностью долженствования (поступить должным образом). Все эти типы значений относят к частнооценочным, т.е. к таким, в которых отражаются критерии (основания) оценок. С другой стороны, выделяются значения, репрезентирующие общую оценку, они не отражают основания оценки и поэтому могут иметь или аксиологическую или психологическую интерпретацию: *хороший\плохой, восхитительный \отвратительный* и др. - часто их называют собственно оценочными.

Общая и частная оценки различаются по ряду концептуальных признаков, имеющих семантическую релевантность и отражающихся в языковых значениях и синтаксических структурах.²

Общие оценки выражают только отношение субъекта к объекту по признаку «хорошо\плохо» и ничего не сообщают о свойствах объекта. Они способны характеризовать самые различные объекты. При этом оценка дается по совокупности разнородных свойств и должна составлять своего рода баланс положительных и отрицательных факторов. Общие оценки более явственно, чем частные, выражают сопутствующую высказыванию иллюкутивную силу рекомендации или одобрения, запрета или осуждения.

Частные оценки сочетают дескрипцию и оценку. Они характеризуют объект с определенной точки зрения. Различаются этические, эстетические,

¹ Арупонова Н.Д. Об объекте общей оценки. - М.: Наука, 1985. – С.33.

² Сергеева Л.А. Прилагательные, выражающие абстрактную оценку «хороший», «плохой» в современном русском языке. - М.: Флинта, 2003. - С. 106.

гедонистические и утилитарные оценки. Они более многочисленны и разнообразны, чем общие, и способны квалифицировать не все виды объектов.¹

Общеоценочные слова являются лишь наиболее общей и объемлющей интерпретацией оценочных смыслов, которые обусловлены отношением явлений и предметов к идеализированной модели мира и отражают их ценностные аспекты.

Частная оценка как концептуальное явление отражает какой-либо элемент оценочной структуры – мотив оценки (*приятно – неприятно, полезно – вредно* и т.п.) или свойства объекта (*сквалыга, бессовестный* и т.п.).²

Оценки делятся, таким образом, на общие и частные. Кроме того, различают рациональные и эмоциональные оценки.

Рациональная оценка воспроизводит сущностные, обуславливающие оценку характеристики оцениваемого объекта, указывает, соответствует или не соответствует объект представлениям субъекта оценки об эталоне, норме; рациональная оценка – это оценка-мысль³: *аморальное поведение, вредная работа, безнравственный поступок, плохая продукция*.

Эмоциональная оценка связана с субъективно-личностным восприятием объекта, эмоциональным впечатлением от него, она обуславливается «необычностью объекта», «выпячиванием» его из привычного ряда: *не человек, а квашина; потрясающий спектакль*.⁴ Словосочетание «эмоциональная оценка» называет разноуровневые явления. На экстралингвистическом уровне эмоциональная оценка представляет собой мнение субъекта о ценности некоторого объекта, которое представляется не как логическое суждение, а как ощущение, чувство, эмоция говорящего. На языковом уровне эмоциональная оценка предстает как отраженное и закрепленное в семантике языкового знака

¹ Гибатова Г.Ф. Семантическая категория оценки и средства ее выражения в современном русском языке. - Уфа, 2000. – С.7.

² Сергеева Л.А. Прилагательные, выражающие абстрактную оценку «хороший», «плохой» в современном русском языке. - М.: Флинта, 2003. - С. 106.

³ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 2001. - С.69.

⁴ Телия В.Н. Человеческий фактор в языке //Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Флинта, 2001. – С.25.

в качестве его микрочтения, или семы, мнение субъекта о ценности некоторого объекта.

Оценочность и эмоциональность едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне. Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию: одобрение, похвалу, ласку, восторг, восхищение и т.п.; отрицательная – через отрицательную эмоцию: неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение и т.п. Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: «приятное» - «хорошо», «неприятное» - «плохо». Словарные пометы одобр., ласк., неодобр., пренебр., презр. и т.п. обозначают соответствующие эмоциональные реакции говорящего по отношению к предмету речи, а оценка как бы скрыта в эмоции, и в конкретных высказываниях они «разворачиваются» в большей или меньшей степени.¹

В естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект. Тем не менее способы выражения двух видов оценки в языке различаются, показывая, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта – эмоциональное или рациональное.

Подтверждением этому мнению служат и наблюдения психологов, которые утверждают, что в языке не может быть «прямого» отражения эмоции, но только такое, какое «снято» в языковых выражениях в формах пережитой эмоции или чувства.²

Таким образом, помимо рациональной оценки, которая выступает в двух видах – оценка интеллектуальная и психологическая, существует и собственно эмоциональная оценка, «снятая» в языке в форме чувств-отношений. Эта оценка называется эмотивной. Эмотивность имеет своим содержанием такое чувство-отношение, которое обладает иллюкутивной силой, т.е. способностью

¹ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. - Новосибирск, 2001. - С. 45.

² Там же. – С.50.

воздействовать на собеседника, вызывая определенный эффект. Сложение двух типов субъективно-модальных отношений – оценочного и эмотивного – придает экспрессивность как самим наименованиям, так и высказываниям, в которые они включены.¹

1.3. Способы выражения оценки

Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях, охватывает широкий диапазон языковых единиц, при этом каждый уровень языковой структуры имеет свои специфические средства выражения оценочных отношений.

В *фонетике* важнейшим средством выражения оценки служит интонация, с ее помощью «эксплицируются эмоционально-субъективные оценки».² Интонация оценочности может наслаиваться на семантику слов с ингерентной, то есть изначально присущей слову, экспрессивностью, а может приобретаться словом в определенном контексте и быть единственным средством, выражающим оценку в данном слове.

Об оценочной семантике говорят применительно и к аффиксам. На *морфемно-морфологическом уровне* иногда происходит взаимодействие оценки, заложенной в корне слова, и эмоционально-оценочного значения аффикса. Оценки могут действовать в одном направлении, усиливая общий итог (*добрейший*), может происходить смягчение негативной оценки (*глуповатый, дурачок*).³ Поставленные в определенные контекстные условия слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами могут приобретать отрицательную ироническую окраску (*покушал грибочков и чуть не умер*). Необходимо отметить, что мелиоративные эмоциональные оценки

¹ Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. // Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Флинта, 2001. – С.37.

² Сергеева Л.А. Прилагательные, выражающие абстрактную оценку «хороший», «плохой» в современном русском языке. - М.: Флинта, 2003. - С.17.

³ Родимкина А. М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Л., 1980. – С.12.

выражаются, как правило, уменьшительно-ласкательными суффиксами, в то время как пейоративные могут выражаться практически любыми аффиксами.¹

Основным языковым уровнем, способным выражать любые виды оценок, является *лексико-семантический*. Еще В. В. Виноградов указывал, что «слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но и в то же время выражает оценку субъекта оценки...».² Очевидно, что существуют слова, выполняющие только номинативную функцию, называющие определенные явления, предметы, чувства: *земля, любовь, мир, трудиться, слепу*. Подобные слова обычно употребляются в экспрессивно нейтральных контекстах, в которых констатируется некоторый факт, сообщается о каком-либо событии, но не передается отношение говорящего к факту, событию. Но существуют и такие слова, для которых главным является квалификация, передача отношения говорящего к обозначаемому: *хороший, скверный, клеветник, кляча, барахлить* (о моторе, машине и т.д.). Этот пласт лексики представляет собой ядро семантической категории оценки. Для одних слов оценочное значение составляет их основное лексическое содержание (*очаровательный, великолепный*), для других оценочное значение является одним из составляющих компонентов их семантической структуры. На этом основании вся оценочная лексика делится на две группы: собственно-оценочную, выражающую абстрактную оценку предметов, явлений, ситуаций и не называющую при этом их свойств, и номинативно-оценочную, называющую предметы и явления материального мира и одновременно оценивающую их.³

Вопрос о положении оценочного компонента в семантической структуре слова является одним из спорных. Многие ученые (О. С. Ахманова, И. В. Арнольд, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия) включали оценку в коннотативный

¹ Сергеева Л. А. Категория оценки и способы ее выражения в современном русском языке // Исследования по семантике (семантика языка и речи). - Уфа, 1991. – С.23.

² Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Русский язык, 1986. – С.21.

³ Там же. – С.45.

аспект слова. «Оценка, - по мнению О. С. Ахмановой, - одна из составных частей стилистической коннотации»,¹ А.В. Филиппов представлял оценочный оттенок как неотделимую от понятия значимость: «оценочность - определенная сторона денотации, а не коннотации».²

И.Н. Худяков говорил о том, что эмоционально-оценочный компонент или передается предметно-логическим содержанием (слова с эмоционально-оценочным значением), например: *хороший, плохой*; или лишь обуславливается смысловой структурой и реализуется при актуализации (слова с эмоционально-оценочной коннотацией): *мямлить, корова* (о женщине); или вообще не обуславливается смысловой структурой, а возникает в результате контекстуальных или ситуативных факторов, это слова, которые в когнитивной картине мира близки к отрицательному или положительному полюсу, а в языковой - нет: *преступник, мастер*.³

Некоторые лингвисты считают, что в определении места оценки в семантике слова следует исходить из ее природы (И. А. Стернин, Е. Ф. Петрищева, С. С. Хидекель и др.). Интеллектуально-логическая оценка входит в денотативный аспект значения; эмоциональная оценка содержится в коннотативном аспекте значения; эмоционально-интеллектуальная оценка пронизывает оба аспекта значения слова и не отделима ни от одного из них.⁴

Таким образом, анализ многочисленной литературы позволяет сделать вывод, что место оценочного компонента в структуре значения, «вес» его, способ представления (эксплицитный/имплицитный) могут быть различными. Сема оценочности может занимать разные позиции в семной структуре и в соответствии с этим она выполняет различные функции: входит в денотацию или в коннотацию.

¹ Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1977. - С.95.

² Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации. - М.: Русский язык, 1998. - С.112.

³ Худяков И. Н. Об эмоционально-оценочной лексике. - СПб.: Наука, 2000. - С.217.

⁴ Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок. - М.: Академия, 2005. - С.54.

Существование коннотативных оценок ставит вопрос о сущности коннотации, ее статусе, объеме понятия и содержании его, характере связи с денотативной частью лексического значения и т.д. Существуют многочисленные определения коннотации как на основе семантических свойств («созначение», «добавочное значение» и т.д.), так и с учетом системных свойств языкового выражения, проявляющихся в синонимии, антонимии, в принадлежности к определенным формам существования языка (литературной, диалектной и т.д.) или с учетом звуковой оболочки выражения. Мы придерживаемся мнения (вслед за О. С. Ахмановой), что коннотация - это добавочное значение, дополнительное содержание слова или высказывания, его сопутствующие семантические оценки, которые накладываются на основное содержание.

К словам с эмоционально-оценочной коннотацией относятся, например: абстрактные существительные, обозначающие различные понятия умственной деятельности человека, его душевные, морально-этические и другие качества: *безумие, великодушие, предательство*; существительные, обозначающие лицо: *бюрократ, вор* и др. Таким образом, возможность оценки занимать различное место в структуре значения (денотативной или коннотативной его части) делит всю лексику, выражающую оценку, на два крупных блока: оценочную лексику и лексику с оценочной коннотацией. Оценочными коннотациями лексемы называются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта».¹

Синтаксический уровень. Оценочный смысл может возникать на уровне словосочетания (*рассадник болезней*), в том числе и фразеологического (не *ахти какой, без царя в голове*). Многим фразеологизмам русского языка присуще оценочное значение, т.е. для них основной является эмоционально-

¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Академия, 1984. – С.36.

оценочная функция. При этом оказывается, что они в большей степени, чем слова, выражают чувства и оценки (ср.: *злючка - змея подколотная, вкусный - пальчики оближешь*). Характеристике этого способа выражения оценок посвящено немало работ.¹

Совершенно очевидно, что оценка может быть соотнесена не только с отдельными лексемами, но и с целыми высказываниями. Под оценочным высказыванием мы будем понимать такое высказывание, которое сообщает о некотором «предмете» в определенной объективной модальности и одновременно выражает мнение субъекта, его оценку «предмета» речи.² Таким образом, содержательная сторона оценочных высказываний включает две части: фактуальную, дескриптивную, передающую некоторую информацию о чем-то (об определенном лице, о какой-то ситуации и т.п.), и оценочную, которая эксплицирует оценочное отношение субъекта к «предмету» речи.³

В лингвистике можно встретить термин «контекст-мнение». Это предложения, говорящие о том, что человек считает ценным, что плохим и что безразличным, предложения, выражающие убеждения людей о том, что есть добро и что есть зло. «Контекст-мнение» отличают от «контекста-сообщения» («информативных», «фактических», «познавательных», «индикативных» рассуждений), не эксплицирующего явным образом отношения субъекта к «предмету» высказывания, говорящего о действительности, указывающего, какой она является и какой не является, дающего ее описание.⁴ Ср.: *Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело* (Л. Толстой «Детство»); *Его александровских времен усадьба, белая, симметричнокрылая, с колоннами и по*

¹ См. раб. Жуков В. П. Русская фразеология. - М.: Просвещение, 1986; Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. - М.: Высшая школа, 1995; Кунин А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки. - М.: Русский язык, 1980 и др.

² Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. - СПб.: СПбГУ, 2004. - С. 35.

³ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Высшая школа, 2005. - С.89.

⁴ Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. - СПб.: Просвещение, 2000. - С.21.

фасаду и по антифронтому, высилась среди лип и дубов, на крутом муравчатом холму за рекой Оредежь, против нашей Выры (В.Набоков «Машенька»).

Первое высказывание, передавая определенное внеязыковое содержание, включает и оценочный компонент. Второе только сообщает о факте - местоположении усадьбы.

В речи оба контекста часто четко не разграничиваются. Существуют контексты смешанного типа, где наряду с каким-то сообщением присутствуют элементы оценки, например: *И отец и тетенки очень дорожили Аннушкой, что не мешало им, впрочем, звать ее то Анюткой, то Анкой-каракатицей* (М. Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина»). В примере присутствует слово, содержащее оценку в своей семантике (*каракатица*), но его оценочность затушевывается общим содержательным планом высказывания.

Следует различать высказывания по степени реализации в них семантики оценочных слов. Существуют высказывания, в которых семантика оценочных слов реализуется наиболее полно, ярко (*Ты просто молодец!*) и высказывания, «затемняющие» их оценочность (*Граф Илья Андреич Ростов иноходью, озабоченно, торопливо похаживая в своих мягких сапогах из столовой в гостиную, поспешно и совершенно одинаково здороваясь с важными и неважными лицами, которых он всех знал, и, изредка отыскивая глазами своего стройного молодца-сына, радостно останавливал свой взгляд и подмигивал ему* (Л. Толстой «Война и мир»).

Строго говоря, только первый тип можно отнести к собственно оценочным высказываниям, выполняющим оценочную функцию. Для высказываний второго типа главной является функция сообщения какого-либо факта, а не его оценка.

Таким образом, оценочные слова не создают оценочных высказываний, но сами тяготеют к ним. Наряду с другими компонентами они участвуют в создании плана выражения оценочных высказываний. В таких высказываниях

имеются компоненты, которые усиливают семантику оценочных слов или, по крайней мере, не «затушевывают» ее. Такими усилителями оказываются интонация и средства субъективной модальности:¹

- а) междометия и частицы (*Ох они трепло!*),
- б) вводные и модальные слова и выражения (*Чтоб тебе сдохнуть!*)
- в) слова-интенсификаторы, выполняющие в контексте усилительную функцию: прилагательные типа *известный, сущий, чистый*; местоимения - *эта, тот, такий*; выражения - *одно слово, одним словом*.

Оценочным тоном высказывания предопределяется выбор языковых средств для выражения внеязыкового содержания. Под его влиянием оценочные слова могут не только более или менее полно реализовать свою семантику, но и изменить характер своей оценки. Например, в высказывании *Мрачные дьявольские наваждения жизни черными волнами заливали его воображение* описана некоторая ситуация, где есть актанты, действия, признаки, которая, кроме того, оценивается как плохая (для ее участника). Оценка здесь содержится в семантике слов, входящих в высказывание (*мрачный, дьявольский, наваждение, черный* - знак « - »), но основным оказывается содержание всего высказывания, сочетание оценочных слов и предикатов.² Ср.: *Ему казалось, что мрачные, дьявольские наваждения жизни, черными волнами заливавшие его воображение, отступают от него* (И.Бунин «Безумный художник») - где ситуация расценивается скорее как положительная.

Под влиянием оценочного тона высказывания оценочный смысл могут приобретать слова, которые сами по себе оценочными не являются. Ведь в речи наряду с системными значимостями словесных знаков появляется бесконечное число новых смыслов. Сравним: *Вошел в класс новый учитель* и *Вы для меня - Учитель*. Во втором предложении в слове «учитель» появляется

¹ Золотова Г. А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. - М.: Просвещение, 1992. - С.76.

² Там же. - С.127.

дополнительная информация, сигнализирующая об отношении к собеседнику, его высокой оценке. Следовательно, слово может приобретать в речи оценочную коннотацию.¹

Оценочность слова может быть даже не обусловлена его смысловой структурой и совершенно не порождена ею. Например: - *Тогда это было для вас что-то*, - торжествуя подчеркнул Кузьмин. - *А сейчас это оказалось нечто. И весьма.* (Д.Гранин «Однофамилец»). В подобных случаях оценочность местоимений *что-то* и *нечто* создается при помощи интонационных средств. Такие единицы лингвисты называют словами с эмоционально-оценочным ореолом.² Эмоционально-оценочный ореол даже потенциально не входит в лексическое значение слова.

Таким образом, оценочные значения в высказывании выражаются взаимодействием синтаксических, лексических и интонационных средств, соотношение которых может быть различным.

Оценочные предложения, включающие в себя лексемы с оценочным содержанием, образуют несколько структурных типов:³

1) Оценочные предложения, характеризующие лицо, предмет, событие, являющиеся по структурным особенностям двусоставными или односоставными глагольного типа. Данный тип занимает ведущее положение в системе оценочных высказываний по многообразию структурных моделей и по неограниченным возможностям выражения оценочного смысла: *Нам к столу навезли превосходного винограду, весьма посредственных арбузов и отличных крупных огурцов* (И. Гончаров «Фрегат «Паллада»); *На дворе была погода нехорошая, беспокойная* (А.Чехов «Три года») - общая оценка; *Я не зол и не жестокосерден* (Ф.Достоевский «Бедные люди»); *Прислуга была грязная, грубая, лицемерная* (А.Чехов «Три года»); *Русский народ от природы добр и*

¹ Сенкевич В. И. Категория оценки в белорусском и русском языках (на материале названий лица): Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Минск, 1997. - С.11.

² Худяков И. Н. Об эмоционально-оценочной лексике. - СПб.: Наука, 2000. - С.47.

³ Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. - М.: Русский язык, 2003. - С.85.

любит добро, человечен, широк в жизненном размахе (А. Толстой «Разгневанная Россия») - этическая оценка; *Черты ее лица были красивы и правильны* (И.Тургенев «Рудин»); *Как расцвела, как поэтически красиво сложилась в последнее время моя жизнь!* (А.Чехов «Учитель словесности»); *Верхняя губа у него была просто страшилище* (Н.Гоголь «Тарас Бульба»); *Павла Петровича уважали за его отличные, аристократические манеры* (И.Тургенев «Отцы и дети») - эстетическая оценка; *Самая внешность Григория Павловича имела в себе нечто отталкивающее* (М.Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина»); *Иван Дронов был неприятный, даже противный мальчик* (М. Горький «Жизнь Клима Самгина»); *Толстый, губастый противный старик. Надоел мне хуже горькой редьки* (А.Куприн «Святая любовь») - гедонистическая оценка; *Университетская жизнь принесла ему мало пользы* (А.Пушкин «Александр Радищев»); *Ваш пример вреден для Наташи* (М. Горький «Фальшивая монета»); *Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими. Жду удобного случая* (М.Лермонтов «Княжна Мери») - утилитарная оценка.

Данный тип предложений способен оценивать разные виды объектов: человека и его качества: *Человек я положительный* (А.Чехов «Хороший конец»); *Марфенька будет примерная хозяйка* (И.Гончаров «Обрыв»); предметы и их свойства: *Во всем селе было только два порядочных дома...* (А.Чехов «В овраге»); *Теперь у нас дороги плохи* (А.Пушкин «Евгений Онегин»); явления внешнего мира: *На дворе была погода нехорошая, беспокойная* (А.Чехов «Три года»); целые ситуации: *Наконец-то, кончился весь этот кошмар и ужас!* Оценка в данных высказываниях может быть как логическая, рациональная: *Фабрика у меня в неудовлетворительном состоянии и недоходна* (И.Тургенев «Новь»), так и эмоциональная: *Во дни веселий и раздумий я был от балов без ума* (А.Пушкин «Евгений Онегин»).

2) Оценочные предложения, по структуре односоставные именного типа, характеризующие лицо, предмет, явление, в форме сочетания оценочного

прилагательного, местоимения и идиоматического выражения с нейтральным в плане оценки существительным, называющим характеризуемый объект: *Отличный, брат, город!* (А.Чехов «Актерская гибель»); *Женщина на ять* (М. Булгаков «Дни Турбиных»).

3) Оценочные предложения, по структуре односоставные именного типа, характеризующие названный ранее или известный из ситуации объект в форме оценочного существительного или идиоматического выражения с таким же значением: *Ах, какой пекарь! Золото!* (М. Горький «Коновалов») - общая оценка; *Какой мерзавец! Боже мой! Какой неслыханный негодяй!* (А. Толстой «Делец»); *Эдакий наглый мерзавец, - говорил он, горячась при одном воспоминании* (Л. Толстой «Война и мир») - этическая оценка; *Что это у вас за ангелочек эта Адочка! Что за прелесть!* (И.Тургенев «Дворянское гнездо») - эстетическая оценка; *Экая дрянь!* (Н.Гоголь «Записки сумасшедшего») - гедонистическая оценка.

Эмоциональность может усиливаться частицами, междометиями, обстоятельствами образа действия, например:

Так это, голубчик, вы изволили всю среду проспять? Мило! Очень мило! (А.Чехов «Драма на охоте»).

4) Оценочные предложения фразеологического характера.

К синтаксическим фразеологизмам относятся такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми. Среди синтаксических фразеологизмов, выражающих общую оценку и содержащих в себе оценочную лексику, выделяются следующие типы:¹

а) предложения типа *Ай да молодец!* (междометие + оценочное имя в именительном падеже), означающие положительную оценку объекта;

¹ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. - М.: Академия, 2008. - С.132.

б) предложения типа *Ах он разбойник!* (междометия *ах, ох, эх* со следующим далее личным местоимением и оценочным именем в форме именительного падежа), означающие отрицательную оценку объекта: *Ах он мерзавец! Так вот зачем он кататься-то звал! Он хотел меня за городом-то на тот свет отправить, чтобы беззащитную девушку обесчестить! Ах он сквернавец!* (Н.Чернышевский «Что делать?»);

в) предложения типа *Вот урод так урод!* - выражают высокую степень признака, приписываемого объекту оценки: *Вот мерзавец так мерзавец! Вот негодяй так негодяй!*

Все подобные предложения выражают эмоциональную оценку. В качестве объекта здесь выступает чаще всего человек. Структурные особенности данных конструкций: зафиксированный порядок слов, обязательность междометий в числе компонентов предложения.

В оценочных высказываниях, не содержащих в своем составе оценочных лексем, единицы, входящие в состав этих высказываний, могут приобретать оценочные смыслы под влиянием общего тона высказывания, но оценка не составляет их предметно-логического содержания. Поскольку словесные показатели оценки здесь отсутствуют, интонация является конструктивным элементом, определяющим основное оценочное содержание.¹ Ср.: *Превосходный мастер!* (предложение оценочное и без восклицательной интонации); *Ну и мастер!* (экспрессивная интонация выступает как оценочное средство наряду с частицей); *Мааастер!* (интонация - единственный показатель оценки). Необходимо также отметить роль порядка слов. Некоторые предложения допускают относительно свободный порядок расположения составляющих их компонентов, другие сохраняют свой тип лишь при условии строгой закреплённости порядка слов. Степень устойчивости словорасположения зависит от характера конструкции предложения и от

¹ Бабайцева В. В. Эмоционально-оценочные предложения в современном русском языке. – М.: Русский язык, 2002. – С. 226.

особенностей входящих в нее слов. Чем больше фразеологизирована конструкция, тем строже словопорядок составляющих ее элементов.¹ Во многих построениях с частицами и междометиями, а также в синтаксических фразеологизмах какая-либо перестановка слов невозможна (*Ну и отдых! Что за ребенок! Парень как парень!*). При определении роли частиц в оценочных предложениях нужно учитывать, какое участие принимают названные элементы в создании оценки: или они вносят в предложение оценочное значение как таковое и являются, следовательно, обязательным компонентом данной конструкции, или только придают разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки предложению, оценочный характер которого достигается другими средствами. Например: *Ну и гадость! Что за дурак!* - здесь частицы показывают степень уже названного качества, т.е. усиливают экспрессивность; *Ну что за шейка! Что за глазки!* (И.Крылов «Ворона и лисица») - частицы выражают оценочный признак названного предмета, т.е. конструируют оценочное предложение. Опускание частицы в первом случае не изменяет оценочного характера предложения. Во втором случае оценочное предложение без частицы невозможно. Сказанное относится не только к частицам, но и к другим компонентам оценочного предложения (прилагательным, местоимениям, междометиям).²

Таким образом, большинство оценочных высказываний содержит добавочное сообщение о предшествующем высказывании или о части его, имеет характер пояснения, указания на причину, обобщения, сопоставления, усиления и т.д. Оценочные высказывания могут сопровождать другое предложение, вплетаясь в его смысловую ткань, могут входить в состав сложного предложения, образуя сложное синтаксическое целое.

¹ Современный русский язык / Под. ред. Д. Э. Розенталя. - М.: Высшая школа, 2004. - С.235.

² Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры предложения. - Черновцы, 2006. - С.18.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

1. В процессе практической деятельности человек, с одной стороны, познает мир, раскрывая природные качества вещей, классифицируя предметы и явления, с другой стороны, характеризует явления объективного мира с точки зрения их ценностного характера - добра и зла, пользы и вреда и т.п.

2. Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом.

3. Понятие ценности является одним из основных, определяющих сущность Человека. Ценностная ориентация является одной из важных характеристик человеческого способа освоения действительности, а ценности составляют основу человеческого мировоззрения. По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности.

4. В структуре оценки традиционно выделяют следующие важные компоненты: субъект, объект (предмет), основание и характер.

5. Под субъектом оценки понимается лицо (часть социума или социум в целом), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки. Объект оценки - предметы, которым приписываются ценности или ценности которых сравниваются. Основание оценки, то есть то, с точки зрения чего производится оценивание. По характеру все оценки могут быть разделены на две группы: абсолютные оценки и сравнительные оценки. Характер абсолютной оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как «хороший», «плохой» или как «безразличный». Характер сравнительной оценки зависит от того, устанавливает ли она превосходство в ценности одного предмета над другим, говорит о том, что один из

сравниваемых предметов обладает меньшей ценностью, чем другой, или же она характеризует сопоставляемые предметы как равноценные.

6. Понимание характера оценки обуславливает *оценочную типологию*.

7. Классификация оценочных предикатов может базироваться на сходстве и различии в репрезентации ими оценочных смыслов. *Первое* важное различие обусловлено интерпретацией оценки, которая, в свою очередь, связана с признанием\непризнанием ценностного характера оцениваемого объекта. В этом плане *хорошее* – значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* – значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров. Наряду с положительной и отрицательной оценкой выделяют безразличное отношение к объекту – нейтральную, или нулевую оценку.

8. Вторая линия концептуальных различий между оценочными значениями связана с различием общих и частных оценок. Общие оценки выражают только отношение субъекта к объекту по признаку «хорошо\плохо» и ничего не сообщают о свойствах объекта. Частные оценки характеризуют объект с определенной точки зрения. Различаются этические, эстетические, гедонистические и утилитарные оценки. Они более многочисленны и разнообразны, чем общие.

9. Кроме того, различают рациональные и эмоциональные оценки. Рациональная оценка воспроизводит сущностные, обуславливающие оценку характеристики оцениваемого объекта, указывает, соответствует или не соответствует объект представлениям субъекта оценки об эталоне, норме; рациональная оценка – это оценка-мысль. Эмоциональная оценка связана с субъективно-личностным восприятием объекта, эмоциональным впечатлением от него, она обуславливается «необычностью объекта», «выпячиванием» его из привычного ряда. Оценочность и эмоциональность едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне.

10. Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях, охватывает широкий диапазон языковых единиц, при этом каждый уровень языковой структуры имеет свои специфические средства выражения оценочных отношений.

11. В *фонетике* важнейшим средством выражения оценки служит интонация, с ее помощью эксплицируются эмоционально-субъективные оценки.

12. На *морфемно-морфологическом уровне* об оценочной семантике говорят применительно к аффиксам; иногда происходит взаимодействие оценки, заложенной в корне слова, и эмоционально-оценочного значения аффикса.

13. Основным языковым уровнем, способным выразить любые виды оценок, является *лексико-семантический*. Для одних слов оценочное значение составляет их основное лексическое содержание (*очаровательный, великолепный*), для других оценочное значение является одним из составляющих компонентов их семантической структуры. На этом основании вся оценочная лексика делится на две группы: собственно-оценочную, выражающую абстрактную оценку предметов, явлений, ситуаций и не называющую при этом их свойств, и номинативно-оценочную, называющую предметы и явления материального мира и одновременно оценивающую их.

14. *Синтаксический уровень*. Оценочный смысл может возникать на уровне словосочетания, в том числе и фразеологического, предложения и целого высказывания.

15. Проанализировав многочисленную литературу по данному вопросу, в качестве исходного мы взяли для себя следующее определение: оценка - это функционально-семантическая категория, реализуемая в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств.

ГЛАВА 2.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ РЕЧЕВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Язык в целом, любая языковая система являет собой результат как рационально-логического, так и чувственно-образного познания мира, в нём представлено не холодно-рациональное отражение мира, но его переживание. Область, в которой ярко проявляются процессы схождения и расхождения рационального и образного, эмоционального, - это область языкового отражения оценочной деятельности человека.

«Ценностная картина мира» находит различные способы выражения в языке: латентно, в самом акте прямой номинации – сам факт именованного фрагмента мира отражает его значимость для человека. Непосредственное выражение ценностная картина мира находит в системе оценочной лексики, в группах с рационально-оценочным, эмоционально-оценочным содержанием; в системе оценочных словообразовательных моделей, в системе метафорических оценочных переносов и т. д.¹

Роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного произведения в настоящее время лингвисты и литературоведы уделяют большое внимание. В художественном тексте эстетическая функция наслаивается на целый ряд других - коммуникативную, экспрессивную, прагматическую, эмотивную, но не заменяет их, а напротив, усиливает. Язык художественного текста живет по своим собственным законам, отличным от жизни естественного языка, «он имеет особые механизмы порождения художественных смыслов»². О специфике слова в художественном тексте писали А.М. Пешковский, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П.

¹ Арупонова Н.Д. Об объекте общей оценки. - М.: Наука, 1985. - С.78.

² Селезнев А.В. Мысль изреченная // Художественный текст и языковая система. – Тверь, 2006. – С. 58.

Григорьев, Д.Н. Шмелев и другие исследователи. Они подчеркивали, что слово в художественном тексте, благодаря особым условиям функционирования, семантически преобразуется, включает в себя дополнительный смысл. Игра прямого и переносного значения порождает и эстетический, и экспрессивный эффекты художественного текста, делает этот текст образным и выразительным.

Эмотивное пространство текста, по мысли Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильева, Ю.В. Казарина, представлено двумя уровнями - уровнем персонажа и уровнем его создателя-автора: «целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций (уровень персонажа) и оценку этого мира с позиции автора с целью воздействия на этот мир, его преобразования».¹ В структуре образов персонажей обнаруживается многообразие эмотивных смыслов. «Совокупность эмоций в тексте (в образе персонажа) - своеобразное динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами».² При этом в эмоциональной сфере каждого персонажа выделяется «эмоциональная доминанта» - преобладание какого-то эмоционального состояния, свойства, направления над остальными. В целом, «автор литературного произведения подбирает лексику таким образом, что это подсказывает читателю, в каком эмоциональном ключе ему следует воспринимать героя».³ В разных художественных текстах, в зависимости от замысла автора, возможно преобладание то одного, то другого эмоционального свойства персонажа.

¹ Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного произведения. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С.167.

² Там же. – С. 169.

³ Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. - М.: Высшая школа, 2000. – С.118.

2.1. Особенности функционирования прилагательных оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Творчество Ф.М. Достоевского, его поиски ответов на вечные вопросы и уникальный анализ психологической природы человека, язык произведений Достоевского являются объектом пристального внимания и острых дискуссий исследователей. Способы познания внутреннего мира человека были интересны не только современникам Ф.М. Достоевского, русскому обществу XIX века. Они актуальны и в XXI столетии, так как Достоевский решает вечные вопросы, встающие перед каждым новым поколением, и самый важный из них – выбор между добром и злом, верой и неверием, грехом и святостью, высоким и низким, нравственным и безнравственным. Достоевскому дороги идеалы русского народа, и в этом смысле он вечен.

Многие исследователи указывают, что отличительной константной чертой художественного текста Достоевского является его оценочность.¹

Особый интерес лингвистов вызывает последний, новаторский по самой внутренней структуре роман Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы», в котором своеобразно проявился его художественный дар познания внутреннего мира человека.² Несмотря на значительное количество работ, посвящённых анализу способов и приёмов словесно-художественного построения образов персонажей в его динамической последовательности и психологической согласованности, изобразительной значимости языковых средств, направленных на авторизацию подлинного человеческого в романе, данный вопрос едва ли можно считать исчерпанным.

Одним из интереснейших вопросов изучения языка романа явился вопрос функционирования оценочной лексики. Как языковое средство с яркой экспрессивной окраской, богатая эмоциональными нюансами, расширенным

¹ Смирнова Л.Г. Слова с оценочным компонентом значения разной частеречной принадлежности. - СПб.: Слово, 2010. – С.69.

² Фридендер Г.М. Реализм Достоевского. – М.: Художественная литература, 2004. – С.78.

смысловым объемом, оценочная лексика стала неотъемлемой частью индивидуального художественного почерка (идиостиля) Ф.М. Достоевского.

Одно из характерных свойств русского человека – сочетание в человеке божественного и дьявольского, ангельского и бесовского – в романах Достоевского раскрывают портреты героев. Портреты, написанные Достоевским, предстают как система авторских сигналов, призванных информировать читателя не столько о внешности персонажа, сколько о его месте в картине мироздания. Они раскрывают временное и вечное, явное и тайное, скрытое от глаз в человеке. Одни и те же детали переходят из портрета в портрет и свидетельствуют не только об авторском отношении к персонажу, но и о чем-то невыразимом словами, невозможном для описания.¹

Включение имени собственного (Карамазовы) в заглавие связано с установлением общих черт, присущих этой группе людей. Интересным представляется вопрос выяснения, почему именно такую фамилию избрал для своих героев Достоевский. *Карамазый* (ср.: *kara* – тюрк. «черный»; карамазый – «смуглый» (с лица). Лексема «черный», обладающая широким негативно-оценочным фоном, является одним из табуированных наименований чёрта, синонимом слова *нечистый*, символизирует дьявольское начало этой семьи.² Второе слово из заглавия «*братья*» обладает потенциально позитивной оценочностью; ср.: БРАТЬЯ - 1. Каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей. 2. *Высок.* Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями.// Единомышленник в чем-либо, брат. 3. Фамильярное отношение к мужчине, юноше, мальчику. 4. Член религиозного братства, монах.³ Давнее бытование слова в языке обусловило его вовлеченность в широкий круг идиоматических выражений, глубину его осмысления в русской культуре, это одно из частотных библейских

¹ Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». - М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С.78.

² Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. – М.: Наука, 2000. – С.98.

³ Словарь современного русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т.1. – М., 1981. – С. 67.

слов, особенно в тексте Нового завета. Идея братства, отражающая христианский идеал отношений между людьми, занимает Достоевского как противостояние черту. Многочисленные библейские цитаты и аллюзии в романе актуализируют разнообразные «библейские» значения лексемы *брат*, главные из которых в Ветхом завете – «*кровный родственник*», а в Новом – «*всякий человек, связанный с другим духовной близостью, имеющий одного отца – небесного*».¹ В значении слова *братья* совмещаются противоположные смыслы, с одной стороны, указывающие на близкие, родственные отношения между всеми людьми, с другой – высшую степень отчужденности и вражды между братьями.

Раздвоенность внутреннего мира героев, поражённого греховностью, находит отражение во внешности: лица героев отражают борьбу света и тьмы, в портретах выступает то «лик», то «физиономия», то «маска»; при этом чем «неблагообразнее» внутренний мир героя, тем более он заботится об украшении своей внешности.²

В портретной характеристике, при описании старика Карамазова выявлена доминирующая лексема *старый*, согласующаяся с существительными с негативной семантикой: *старый шут, старый грешник, старый подлец, старый сластолюбец, старый развратитель, старый мозгляк*. Тему осквернения и профанации, тему нравственной и эстетической безобразности и потери всякого чувства формы и меры предела передает авторская находка – сравнение кадыка Федора Павловича с кошельком: *Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно нагими, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жирн-еньк-ом личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что придавало ему какой-*

¹ Христианство: Энциклопедический словарь: в 2-х т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 236.

² Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 58.

*то отвратительно сладострастный вид.*¹ Негативная авторская оценка подчеркнута употреблением качественно-оценочных прилагательных *наглый* «крайне дерзкий и бесстыдный, нахальный»² и *сладострастный* «отличающийся чувственностью, сладострастием, повышенным стремлением к удовлетворению полового чувства, чувственным наслаждениям».³ В значении «давно находящийся в употреблении, давно сделанный и утративший от времени свои качества» лексема *старый* и частотные синонимы *старинный, древний, ветхий, обветшалый* «разрушающийся или пришедший в негодность от времени, от употребления»⁴ передают тему духовного упадка обитателя этого дома: *В весьма ветхой, дребезжащей, но поместительной извозчичьей коляске, на паре старых сиво-розовых лошадей... подъехали и Федор Павлович с сынком своим Иваном Федоровичем; Старик сидел один за столом, в туфлях и в старом пальт-ишк-е...; Мебель была древн-ейш-ая, белая, с красною ветхою полушёлковой обивкой.* (156)

Использование Достоевским оценочных прилагательных со значением размера усиливает эффект контрастного изображения внешнего облика Федора Павловича: *маленькие* глаза старика символизируют его мелкую душу; *большой* кадык, похожий на кошелёк, мешочки под глазами – символ богатства: сравнение размера глаз с размером кадыка позволяет сделать вывод: для старика Карамазова кошелёк важнее души и жизни человека. *Маленькие глазки, большой кадык, «плотоядный рот», «длинная, пьяная, полубессмысленная усмешка», «визгливый смех»* – такова физиономия Федора Павловича Карамазова. Её дополняет прилагательное *черный*: *черный* цвет

¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. - Т.6. – СПб.: Наука,1996. – С. 125. Далее текст цитируется по тому же источнику. В скобках дается указание номера страницы.

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С.536.

³ Там же. – С.748.

⁴ Там же. – С.960.

«почти истлевших» зубов Федора Павловича становится символом тлена и разложения.¹

В описаниях бытовых реалий Федора Павловича Карамазова доминируют оценочные прилагательные со значением размера. Самым частотным прилагательным является лексема *маленький*, передающая тесноту, сжатость пространства, заполненного множеством ширмочек, перегородок, дверей: Федор Павлович Карамазов находит смерть в этом доме. Формы субъективной оценки с неодобрительно-пренебрежительным смыслом дополняют описание быта Федора Павловича: *Дом был окрашен сер-еньк-ой краской и с красною железною крышкою. Много было в нем разных грязн-еньк-их чуланчиков, в которых водились крысы.* (169)

Еще одним из наиболее часто употребляемых при описании быта Федора Павловича является прилагательное *красный*: оно символизирует пролитую кровь старика: *На голове у Федора Павловича была та же красная повязка, которую видел на нем Алеша.*(193) Описывая сцену накануне убийства отца – Федора Павловича Карамазова, автор широко пользуется *красно-черной* палитрой, сближением этих тонов намекая на пролитие крови, на смерть. *Черный* цвет появляется здесь как фон, в описании пространства и времени суток. Не случайно глава, в которой произойдет убийство отца, называется «В темноте». Колоритным обозначением красного цвета в романе является градуальный ряд *красный – багровый* «красный с синеватым или лиловатым оттенком».² Спаленка отца, которую Митя видит в ночь убийства, перегороджена *красными* ширмочками, повязка на голове отца была тоже *красного* цвета, *багровые* кровоподтёки на лбу: *Лоб его, на котором за ночь разрослись огромные багровые подтёки, обвязан был красным платком; – Красный-то лучше, а в белом на больницу похоже, – сентенциозно заметил он*

¹ Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». - М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С.48.

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С.536.

(Федор Павлович). (194) Нагнетание прилагательных со значением цвета передаёт замысел автора: грядет что-то ужасное, тревога разлита во всем. И конец сцены знаменателен: *Светлый халат и белая рубашка на груди были залиты кровью. Свечка на столе ярко освещала кровь и неподвижное мертвое лицо Федора Павловича.* (196)

В психологическом портрете старика Карамазова подчеркивается злое шутовство, достигающее грандиозных размеров, уничтожающее и оскорбляющее все нравственные ценности и нормы. В образе шута с Федором Павловичем входит тема необузданного сладострастия, ведущего человека ко злу. Сладострастие Федора Павловича – это сладострастие с идеею, сознательное, вызывающее, это своеобразная форма полемики с добром, подчеркнутые формами превосходной степени: *И в то же время он всё-таки всю жизнь свою продолжал быть одним из бестолков-ейш-их сумасбродов по всему нашему уезду; ... развратн-ейш-ий и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение...* (211) При описании душевных качеств и состояний Федора Павловича, его психологического портрета Достоевским используются оценочные прилагательные *бестолковый, дрянной, злобный, злой, развратный, упрямый, хитрый*; доминируют прилагательные *сладострастный* и *развратный*.

Тему старчества продолжает образ старца Зосимы. Если Федор Павлович – старик, старик-*ашк*-а «разг. уничиж. к старик»,¹ то Зосима – старец – «1. Старик. 2. Пожилой монах, отшельник».² Прилагательное *старый* к образу Зосимы не применяется. На его старость указывают косвенные признаки: называется возраст, описывается портрет, употребляется существительное *старец*. Старец Зосима противопоставлен развратному старику Карамазову. В портретной характеристике Зосимы: *Это был невысокий сгорбленный*

¹ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 778.

² Там же. – С. 779.

человечек с очень слабыми ногами, всего только шестидесяти пяти лет, но казавшийся от болезни гораздо старше, по крайней мере лет на десять. Всё лицо его, впрочем, очень **сухенькое**, было усеяно мелкими **морщинками**, особенно было много их около глаз. Глаза же были небольшие, из светлых, быстрые и блестящие, вроде как бы две блестящие точки. **Седенькие волосики** сохранились лишь на висках, **бородка** была **крошечная** и **реденькая**, клином, а губы, часто усмехавшиеся – **тоненькие**, как две **бечевочки**. Нос не то чтобы длинный, а **востренький**, точно у **птички** (260) – доминируют уменьшительно-характеристические формы имен прилагательных.

Под стать старцу и окружающие его бытовые реалии. При описании кельи старца использованы качественно-оценочные прилагательные **изящный**, **бедный**, **грубый** и др. Аскетизм жилья старца подчеркивает лексема **необходимый**.

При описании предметов быта Достоевский использовал качественные прилагательные со значением цвета **красный** и **чёрный**: *Старец уселся на кожаный **красного** дерева диванчик... а гостей... поместил... на четырех **красного** дерева обитых **черною** сильно протершеюся кожей стульях.* (261) **Красный** цвет символизирует предчувствие Зосимы: скоро прольется кровь; **чёрный** цвет предполагает скорую смерть самого Зосимы и скорбь его о страданиях, которые уготовлены Мите Карамазову.¹

Изображая келью старца, повествователь употребляет качественные прилагательные со значением размера, доминирует лексема **маленький**: ***маленькая** лампад-к-а, дешевые **маленькие** стенные часы; Ударило скорым боем на дешевых **маленьких** стенных часах с гирями ровно двенадцать.* (261) Показывая маленький размер мебели в келье, Достоевский использует существительные в форме субъективной оценки: *Перед большой иконой теплилась **лампад-к-а**. Затем около них деланные **херувим-чик-и**, фарфоровые*

¹ Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. – М.: Наука, 2000. – С.65.

яич-к-и... (264) Но в этом маленьком и тесном пространстве, однако, много икон, и одна икона Богородицы даже «огромного размера». Убранство комнаты, детали быта (часы, стулья, диванчик) *дешевое, потертое*, однако иконы *дорогие и изящные*: яркий контраст между этими дешевыми и дорогими предметами олицетворяет важность духовных ценностей для старца.

Средствами создания контраста является антонимическая пара прилагательных со значением цвета *светлый – темный*, олицетворяющая добро и зло, Христа и дьявола, жизнь и смерть.¹ Положительные герои характеризуются светлыми тонами, отрицательные же персонажи – темными: старец Зосима ведет с гостями *светлую* беседу; Алеша замечал, что почти все, входившие в первый раз к старцу на уединенную беседу, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда *светлыми и радостными*, и «*самое мрачное лицо обращалось в счастливое*». (278)

Описывая черты характера старца, Достоевский использует только одно качественное прилагательное *тонкий* «такой, в котором проявляется пронизательность, глубокое понимание чего-либо, вкус, знание дела.// Отличающийся умом, вкусом, пронизательностью, глубоким знанием дела».² Тонкую прозорливость Зосимы можно соотнести с тонкими его губами: ... *а губы, часто усмехавшиеся – тон-еньк-ие, как две бечевоч-к-и*. Достоевский наделяет своего героя такой портретной чертой неслучайно: Зосима тонко чувствует беду в душе каждого человека: *Про старца Зосиму говорили многие, что он до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово*. (284)

¹ Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». - М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С.78.

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С.910.

Описывая младшее поколение, Ф.Достоевский дает сравнительную характеристику образов братьев Карамазовых – Дмитрия, Ивана, Алексея и незаконного сына Федора Павловича – Смердякова. Брат сравнивается с братом, братья сравниваются с отцом по внешним признакам и психологическим качествам, что позволяет говорить о сходных чертах и глубоких различиях членов этой семьи. Ф.М. Достоевский показывал своих героев – людей реальных, живых. Его «праведник» Алеша, «созерцатель» Иван, «бунтарь» Митя, «лакей» Смердяков – не надуманные образы, в них всё осмыслено, ярко озарено и глубоко очеловечено прозрениями гениального художника, воплощено в особом отборе средств языка.¹

С помощью отрицательного сравнения строится первое портретное описание Алеши: *Может быть, кто из читателей подумает, что мой молодой человек был болезненная, экстазная бедно развитая натура, бледный мечтатель, чахлый и испитой человек. Напротив, Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток...* (201). Слово *испитой* (*чахлый и испитой человек*) устанавливает ассоциативную связь с портретами Смердякова; ср.: *испитое скорпещеское лицо*. Описание глаз занимает центральное положение в ряде портретных характеристик Достоевского. Очи – единственная деталь, соединяющая плотского, внешнего человека с человеком «внутренним», «духовным». Глаза Алеши определяются как *кроткие*. Для описания этого героя Достоевский употребляет также определения *смиранный, тихий, покорный*. Прилагательное *тихий* многократно употребляется применительно к портрету Алеши. Эта доминанта в описании Алеши указывает на кротость, смирение, отсутствие злобы.

В описании Ивана употребляется оценочная лексема *желторотый*, которая, с одной стороны, подчеркивает типичные черты: *А то, что ты такой*

¹ Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». - М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 98.

же точно молодой человек, как и все остальные двадцатитрехлетние молодые люди, такой же молодой. Молоденький, свежий и славный мальчик, ну **желторотый**, наконец, мальчик! (293), с другой стороны, слово *желторотый* получает символическое значение, становится важнейшей характеристикой Ивана. Сема *желтый*, закрепленная в самом названии слова *желторотый*, а также в его значении, получает дальнейшее развитие в портретном описании Ивана, поддерживая тему болезни, смерти: – *А чего у вас глаза пожелтели, совсем белки желтые.*(300) Очевидна эволюция портретного описания Ивана: от *молодой, молоденький, свежий, славный* до *больной, постаревший, умирающий*. Иван далеко не безупречен в нравственном отношении. Он одновременно и искренен, и презрителен ко многим. О необыкновенном уме Ивана, образованности и учености его, читатель узнает с первых слов об этом герое. Он одержим «неверием и сомнением», не желает принять созданного Богом мира. Страшен образ двойника Ивана, перед которым «реальный» Иван одинок и беспомощен. И если Дмитрий способен покаяться и пострадать, то для Ивана порыв духовного очищения невозможен. Неразрешимая мысль, терзающая Ивана, не позволяет ему не только любить, но и жить, по убеждению Алеши. Духовное движение Ивана не завершается горячкой и беспамятством как итогом «пути» или «знаком» полного нравственно-философского краха личности.¹

Неодносложен образ среднего брата Дмитрия Карамазова; в его характеристике заключены одновременно красота и глубокий трагизм, потому автор часто использует качественные прилагательные этической – положительной/ отрицательной – оценки. Глаза Мити – *большие* и *темные*, их размер – *большие* – Достоевский связывает с «размером души» этого героя. Именно Дмитрий Карамазов рассуждает в романе о широте души человека: *Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть я целую край той ризы, в которую облакается бог мой; пусть я иду в то же время вслед за*

¹ Вайгла Э.А. О разновидностях эмоциональной лексики. – Тарту, 2002. – С.137.

чертом, но я всё-таки и твой сын, господи!.. Нет, широк человек, слишком даже широк! (298) или *Мы натуры широкие, Карамазовские, способные вмещать в себе всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения <...> Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы всё вместим и со всем уживемся!* (301) Дмитрий – «нравственно широкая натура», представляет собой «поле битвы» божеского и дьявольского. Он не убивает, потому что его спасает ангел-хранитель. И он не безвозвратно потерян, он способен покаяться и пострадать, способен принять «крестную муку». «Бог мучит» Митю, и герой ощущает свою вину в высшем смысле: «Бог против меня!»¹ При описании образа Мити Карамазова в фокусе внимания повествователя – психологический портрет, оформляемый качественно-оценочными прилагательными, называющими черты характера и эмоциональное состояние героя: *многоречивый, задумчивый, гордый, угрюмый, упрямый, раздражительный, грустный* и др.

Психологический портрет представителей младшего поколения семьи Карамазовых соотнесен с образами их матерей. М.А. Волошин подчеркивал: «Двигающая пружина трагедии в том, что все четыре брата Карамазовых, несущие в себе карамазовскую плоть, одухотворены различными женственными стихиями, унаследованными от разных матерей»²: мать Аделаида Ивановна Миусова – сын Дмитрий (буйный характер, страстная жажда правды, нетерпеливость, горячность; в его «гибели – возможность и обетование воскресения»); мать кроткая Софья Ивановна – сын Иван (разрыв с матерью; устремленность к Богу, не получившая своего развития: «огромный ум» отравлен карамазовской плотью); мать кликуша Софья Ивановна – сын Алексей (самая тесная связь; кротость, смирение, стыдливость; предназначение

¹ Кожин А.Н. О функциональном аспекте русской лексикологии. - Воронеж, 1997. – С.123.

² Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». - М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С.8.

– «преобразить в себе Карамазова, став спасителем грешной и изолгавшейся плоти Федора Павловича»); юродивая и идиотка Лизавета Смердящая – Смердяков (разрыв с матерью; бездуховность, нелюдность, дикость; предназначение – отцеубийство).

Образ Смердякова, четвертого сына Федора Павловича Карамазова с говорящей фамилией-кличкой развивает и углубляет тему, начатую в описании Федора Павловича Карамазова: воплощает гниль и разложение барской, дворянской и крепостнической среды. Фамилия Смердяков соотносима с соответствующей группой слов: *смердеть* – «испускать зловоние, смрад, вонь»¹, *смердящий*, *смерд* – «в древней Руси крестьянин-земледелец», «человек из черни, подлый (родом), мужик, особый разряд или сословие рабов, холопов; позже крепостной».² Смердяков, как и Федор Павлович, преступает человеческие и Божеские законы (лексема *маленький* «ничтожный» используется при описании образов обеих персонажей). Он убивает отца, доказывая на практике тезис, что все дозволено: Смердяков не может, не мог бы возродиться, ибо для этого он слишком слаб и не способен к такому подвигу. В его портретной характеристике используется качественное прилагательное со значением возраста *молодой*: *Смердяков, еще молодой человек*, но с одной оговоркой: при описании портрета Мити, Ивана и Алёши Карамазовых Достоевский использует прилагательное *молодой*, а при описании образа Смердякова добавляет наречие *ещё*, что приближает прилагательное *молодой* к значению *старый*. Доминируют при описании образа Смердякова качественно-оценочные прилагательные с отрицательной семой: *Смердяков молчал и всё тем же **наглым** взглядом продолжал осматривать Ивана Федоровича; Но главное, что раздражило наконец Ивана Федоровича окончательно и вселило в него такое отвращение – была какая-то **отвратительная** и особая фамильярность, которую сильно стал выказывать*

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С. 684.

² Там же. – С.638.

к нему Смердяков... (317) В последнем портретном описании Смердякова появляется эстетически значимая деталь - *в пестром ватном халате*. Слово *пестрый* в славянской мифологии связывается с хитростью, ненадежностью, лживостью. К портрету Смердякова примыкают слова *лакей* - «перен. о раболепном приспешнике, подхалиме (презрит.)»¹ и *хам* - «(презр. бран.) Грубый, наглый человек»²: ... *ну и убирайся к черту, лакейская ты душа; Это лакей и хам...*; *А они про меня отнесли, что я вонючий лакей*.

Особую функцию выполняют формы субъективной оценки с неодобрительно-пренебрежительным, презрительным суффиксом **-ЕНЬК-/-ОНЬК-**: *гад-еньк-ий, хитр-еньк-ий, подл-еньк-ий* и др.; прежде всего в портрете: *Хитр-еньк-ие глазки Смердякова... устремились на Дмитрия...* (378); *На нагл-еньк-ом лице его показалась омерзительная улыбка...* (380) Смердяков – отпрыск несчастной идиотки Лизаветы Смердящей, монстр и духовный труп, становится отцеубийцей. Смердяков есть только шелуха, гниющий отбросок, и, конечно, зло, лежащее в человеческой природе.

Тема контрастного противопоставления образов братьев Карамазовых находит свое воплощение в описании женских образов – Грушеньки и Катерины Ивановны. Представлены доминирующие качественные прилагательные, описывающие образ каждой из героинь: Грушенька: в динамике – из восемнадцатилетней девочки, *робкой, застенчивой, тон-еньк-ой, худ-еньк-ой, задумчивой, грустной, чувствительной, обиженной, жалкой сироточ-к-и* в четыре года превратилась в Аграфену Александровну, женщину с *характером смелым и решительным, гордую и наглую, понимавшую толк в деньгах, приобретательницу, скупую, осторожную, правдами и неправдами сколотившую свой собственный капитал, «бабу не промах»; во время судебного следствия спокойная, со строгим и угрюмым лицом; суровый взгляд, сосредоточенная задумчивость; благая решимость,*

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С. 384.

² Там же. – С. 798.

гордые глаза. Катерина Ивановна: *большие чёрные горящие* глаза были *прекрасны*; *бледное*, даже несколько *бледно-жёлтое продолговатое* лицо *красивая, гордая и властная девушка*; *гордая* развязность, самоуверенность *надменной* девушки; *смелая, благородная* энергия и какая-то *ясная, могучая* вера в себя.

Таким образом, проанализировав речевые характеристики основных героев романа, можно сделать вывод о том, что портреты, написанные Достоевским, – это не только описание внешности, сколько ее оценка. Авторские описания внешности минимальны, портрет персонажа складывается часто из реплик диалога, отражающих субъективное видение образа героя, а в качестве доминирующего средства психологического анализа и контрастного противопоставления образов персонажей романа является оценочная лексика.

2.2. Оценочная лексика как средство характеристики героев романа Л.Н.Толстого «Война и мир»

Неослабевающий интерес к изучению языка произведений художественной литературы 2-ой половины XIX века обусловлен её гуманистическим пафосом и вниманием к персонажу как типу личности. Потому изучение различных аспектов художественного творчества Л. Н. Толстого - классика русской литературы, в произведениях которого поставлены религиозно-нравственные, философские вопросы, проблемы личности, носящие вневременной характер, тексты и образы которого являются достоянием русской и мировой культуры, продолжает оставаться объектом многочисленных современных исследований.

Роман-эпопея «Война и мир» - вершина художественного творчества Л.Н.Толстого – по праву может считаться шедевром русской литературы. Здесь не только в полной широте отражены главные события начала XIX в., но и проявляются главные принципы народности, как его высшего общества, так и

простых людей. Все это в едином потоке представляет собой отражение духа и жизни русского народа.¹

Семья для Толстого — это почва для формирования человеческой души, и в то же время в «Войне и мире» введение семейной темы является одним из способов организации текста. Атмосфера дома, родового гнезда, по мнению писателя, определяет склад психологии, взглядов и даже судьбы героев. Именно поэтому в системе всех основных образов романа Л. Н. Толстой выделяет несколько семей, на примере которых ярко выражено авторское отношение к идеалу домашнего очага. Сопоставляя различные варианты семейной жизни, писатель показывает, какой должна быть семья, что такое истинные семейные ценности, и как они влияют на формирование личности.²

Большой интерес для изучения, на наш взгляд, представляют образы семьи Болконских, отличительные черты которых – духовность, ум, независимость, благородство, высокие представления о чести, долге.

Старый князь Болконский неустанно заботится о том, чтобы дети развивали свои способности, умели работать и желали учиться. Характеры их тем интереснее, что неоднозначны и противоречивы на первый взгляд. Однако при ближайшем рассмотрении можно убедиться, что Болконские - аристократы в лучшем смысле этого слова. Они горды, но уважают чужие чувства, готовы жертвовать собой, но не причинять боли окружающим. Болконские по-настоящему привязаны друг к другу. Их объединяет скрытая, не выражающаяся на словах родственная теплота. Старый князь, хотя излишне суров и строг, но гордится сыном и любит дочь. Болконские – патриоты. Они – образец подлинной семьи.

В языковом плане интерес представляют эмоционально-оценочные лексемы, служащие средством характеристики героев в романе, в частности семьи Болконских.

¹ Громов П. А. О стиле Льва Толстого. Становление диалектики души. - СПб.: Художественная литература, 2001. – С.59.

² Там же. – С.68.

Эмоционально-оценочную лексику, используемую Л. Н. Толстым для характеристики Марьи Болконской, можно условно разделить на две группы: а) единицы с семантикой внешних признаков (при создании характеристики: «глаза, взгляд», «лицо, мимика», «речевая деятельность», «манера движения», «красота, привлекательность») и б) лексемы с семантикой становления и развития внутренних качеств (при создании таких черт образа (свойств натуры), как «религиозность», «характер, внутренние качества»). Использование этих средств демонстрирует замысел писателя, который противопоставляет духовную красоту Марьи Болконской, основанную на православных истинах (*евангельский, любить, нравственный, особенный, переживать, прекрасный*), и внешнюю некрасивость (*бледный, болезненный, красный, худой*).

В каждой из лексико-семантических групп выделяются доминанты - константы образа.

Л. Н. Толстой неоднократно делает акцент на некрасивости княжны Марьи: на её «слабом, худом» теле, «болезненном», «бледном» или «красном» от волнения лице, «уродливой» причёске, что отражает лексическое значение соответствующих единиц: *Глаза эти освещали всё болезненное, худое лицо и делали его прекрасным.*¹ Лексическое значение *болезненный* - «1. Склонный к болезням, нездоровый, хилый»²; *худой* - «1. Тощий, сухощавый, с сухими, лишенными жира мышцами».³ Прилагательные *болезненный, худой* и *прекрасный* можно считать контекстуальными антонимами (*Прекрасный* - «1. Очень красивый, отличающийся необыкновенной красотой».⁴ Таким образом, семантика и коннотативное содержание лексемы *прекрасный* «зачёркивает» негативную оценочность слов *болезненный* и *худой*.

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах - М.: Художественная литература, 1998. - Т.4. – С.178. Далее все цитаты приводятся по данному источнику. В скобках дается указание номера тома и страницы.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.192.

³ Там же. – С.638.

⁴ Там же. – С. 548.

Взгляд - отличительная черта портрета княжны Марьи и особая художественная деталь в тексте, с помощью которой проявляются особенности характера или скрытые душевные движения: *Княжна Марья повернулась к брату и сквозь слёзы любовный, тёплый и кроткий взгляд её прекрасных в ту минуту глаз остановился на лице князя Андрея.* (4, 26) Прилагательное *любовный* является доминантой в лексико-семантической группе «Глаза, взгляд», так как именно *любовь* определяет жизненный путь Марьи Болконской.¹ Другие лексемы усиливают, детализируют этот признак. Любовное, доброжелательное, заботливое отношение к людям становится законом всей её жизни. Описание Л. Н. Толстым лица Марьи Болконской соотносится с традициями православной иконописи, в то же время героиня показана как представительница дворянского сословия. Также можно отметить многократное употребление эпитета *лучистый* со значением «исполненный внутреннего сияния (о глазах) (перен.)»² в характеристике княжны Марьи.

Глаголы *кричать, плакать* являются ярким лексическим средством характеристики эмоционального состояния героини. Анализ оценочной лексики, характеризующей княжну, показывает, что лексемы, представляющие внешность, имеют преимущественно отрицательные коннотации, в то время как отобранные для характеристики внутреннего мира - положительные. Характер оценок зависит от оценивающего лица: «*Бедняга! Чертовски дурна*», - *думал про неё Анатолий.* (4, 278)³

Лексемы, характеризующие шаги, манеру движения, пальцы, речь, дополняют, усиливают представление об основных качествах героини. Усилительное значение имеют и контекстуальные партнёры - наречия, частицы, существительные. Некоторые слова становятся константами образа,

¹ Воркачев С. Г. Оценочные коннотации и функциональная компенсация в смысловом ряду предикатов желания. - Екатеринбург, 2003. - С.64.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1994. - С.492.

³ Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. - М.: Академия, 1999. - С.63.

переходят из одной лексико-семантической группы в другую (*ласковый взгляд, ласковые глаза, ласковые слова*). Константами можно считать и повторяющиеся смыслы, которые транслируют однокоренные слова, так как они описывают разные качества, свойства героини, но, по сути, обозначают те же свойства образа (*лучистый взгляд, лучистость глаз, глаза излучали свет и т.д.*).

Семантика единиц предикатной лексики не только фиксирует отличительные, характерообразующие свойства, но и преобразование облика Марьи Болконской (*бороться, возникнуть, возражать, новый, осмелиться, преодолеть*): *Требования жизни, которые она считала уничтоженными со смертью отца, вдруг с **новой**, ещё неизвестной силой **возникли** перед княжной Марьей и охватили её.* (4, 278) Учитывая лексическое значение глагола *возникнуть* - «1. Появляться, зарождаться»,¹ а прилагательного *новый* – «1. Впервые сделанный, недавно появившийся»,² следует подчеркнуть, что автор настаивает на преобразении героини, проявлении её лучших качеств, что соотносится с жизнеутверждающим пафосом произведения и его главной мыслью.

Лексика с религиозной семантикой в речи героини проявляет, по замыслу писателя, большинство черт характера и мировоззрения княжны Марьи: *«Пишу всё это вам, мой друг, только для того, чтоб убедить вас в **евангельской истине**, сделавшейся для меня **жизненным** правилом: ни один волос с головы нашей не упадёт без его воли».* (5, 25)

Оценочные прилагательные употребляются в тексте в качестве эпитетов, сравнений, что придаёт образность, экспрессивность языку произведения, проявляет тончайшие оттенки в характеристике: *Как вдруг с неожиданной поражающей красотой выступает на стенках **расписного и резного фонаря** та сложная, искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою,*

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.297.

² Там же. – С.359.

тёмною и бессмысленною, когда зажигается свет внутри, так вдруг преобразилось лицо княжны Марьи. (5, 178)

Таким образом, можно заключить, что лексическим единицам, служащим средством характеристики княжны Марьи, свойственны положительные коннотативные оттенки значения. Эмоционально-оценочная лексика, фиксирующая конкретные черты внешнего вида используется преимущественно с отрицательной оценкой, однако, для изображения внутренних качеств героини - с положительной аксиологической составляющей.¹

Отмечая употребление оценочной лексики, которая раскрывает противоречивость, двойственность образа Николая Андреевича Болконского, следует отметить, что лексические единицы с семантикой «старость» отражают не только возрастные особенности героя, но иногда имеют иронически-насмешливую коннотацию, что влияет и на восприятие образа: *Когда князь Андрей вошёл в кабинет, **старый князь**, в **стариковских** очках и в своём белом халате, в котором он никого не принимал, кроме сына, сидел за столом и писал. (4, 25)*

Значимую роль для выявления тонких смыслов в семантическом объеме языковой единицы в тексте Л. Н. Толстого играют лексические противопоставления внутри одного контекста.² Анализ единиц выявил стилистический приём понимания «наоборот»: *не благословлял, но был нежным; седой, но с молодыми глазами, не радость, а злость, не доверие, а насмешка, не уважение, а презрение: И каждый в этой официантской испытывал то же чувство почтительности и даже страха, в то время как отворялась громадно-высокая дверь кабинета и показывалась в напудренном парике невысокая фигурка старика с **маленькими сухими** ручками и **серыми***

¹ Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении: Дис. канд. филол. наук. - Пермь, 2002. – С.97.

² Сергеева Л. А. Категория оценки и способы ее выражения в современном русском языке // Исследования по семантике (семантика языка и речи). - Уфа, 1991. – С.123.

висячими бровями, иногда, как он насупливался, застилавшими блеск умных и молодых блестящих глаз (4, 22); *Он никогда не благословлял своих детей и только, подставив ей щетинистую, ещё не бритую нынче щёку, сказал строго и вместе с тем **внимательно-нежно** оглядев её: «Здорова?.. ну, так садись!»* (4, 22)

Для единиц, с помощью которых обрисовывается старый князь, характерна семантика «неизменный», «привычный», что представляет образ Николая Андреевича Болконского как тип сформировавшейся личности с постоянными качествами и привычками: *«Он пишет про войну про эту», - сказал князь с той сделавшейся ему **привычной, презрительной** улыбкой, с которой он говорил всегда про войну.* (4, 22)

Константой при характеристике улыбки и смеха становится прилагательное *холодный* с контекстуальной семантикой «искусственный»: *Князь опять засмеялся своим холодным смехом.* (5, 24) Единицы лексико-грамматических групп «Улыбка, смех» и «Речь» тесно связаны в идиостиле Л. Н. Толстого. Анализ показал, что писатель употребляет при характеристике старого князя глагол *говорить* преимущественно в значениях: «сообщать что-нибудь»¹ и «высказывать мнение». Предикат *кричать* является ярким лексическим средством характеристики эмоционального состояния этого персонажа. Контекстуальными партнёрами глагола *кричать* становятся лексемы со значением «перемещения в пространстве»: *бросать, отворять, придвигать, швырять* и др.: *«Простились - ступай! – вдруг сказал он. - Ступай!» - **закричал** он сердитым строгим голосом, **отворяя** дверь кабинета.* (5, 25)

Для использованных при создании образа предикатных слов также характерна фазисная семантика: *замолчать, кончиться, остановиться, прекращаться, продолжать*, причем, следует отметить, что основными,

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.223.

наиболее употребительными являются единицы предикатной лексики, составляющие концепт *деятельность*. Проведённый анализ позволяет назвать константы образа - прилагательные *быстрый, деятельный, строгий*. Распространителями лексемы *деятельность* являются следующие прилагательные: *аналитический, интеллектуальный, мыслительный, постоянный, практический, разнообразный, созидающий* и другие. Концепт *деятельность* отражает противоречивость, связанную с демонстрацией Л. Н. Толстым в герое эмоциональной практичности и физической слабости: *Досадливо морщась от усилий, которые нужно было делать, чтобы снять кафтан и панталоны, князь разделся, тяжело опустился на кровать и как будто задумался, презрительно глядя на свои жёлтые, иссохшие ноги.* (5, 3) *Большой стол, на котором лежали книги и планы, высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах, высокий стол для написания в стоячем положении, на котором лежала открытая тетрадь, токарный станок, с разложенными инструментами и с рассыпанными кругом стружками – всё выказывало постоянную, разнообразную и порядочную деятельность.* (4, 22) Некоторые лексемы с семантикой «старость» и их контекстуальные партнёры имеют иронически-насмешливую коннотацию, что влияет и на восприятие образа (*висячий, панталоны, парик, стариковский*).¹ Совокупность единиц предикатной лексики используется при оформлении характеристики созидательной деятельности, в чём ярко проявляется положительное авторское отношение к персонажу, ибо он стремится доказать, что благодатна та деятельность, которая направлена на преобразование окружающего материального мира.

Единицы с семантикой «межличностные отношения» в пространственно-временном плане произведения характеризуют и самого старшего князя, и тех, с кем он общался. Отношения Николая Андреевича Болконского к другим

¹ Ершова И. В. Семантика конструкций со значением оценки и контекст// Проблемы лингвистического анализа текста и лингвистические задачи. – Иркутск: Звезда, 2001. - С.29.

людям, представленные Л. Н. Толстым через языковые единицы, выявляют ценностные особенности каждого из них. Такие лексемы обладают ярко выраженной положительной или отрицательной коннотацией (в зависимости от отношений). По замыслу писателя, со стороны князя доминирующим становится понятие *презрение* (в отношении других людей) или *любовь* (в отношении своих детей), со стороны других персонажей - *уважение*: *С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен, и потому, не был жестоким, он возбуждал к себе страх и почтительность, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек.* (5, 22)

Проблема связи с детьми как проблема воспитания в романе раскрывается через отношения старого князя и его дочери княжны Марьи. Близкими в воплощении авторской идеи становятся лексемы-прилагательные *строгий* - *любовный*. Воспитательную систему, выявленную посредством лингвистического анализа использованных автором единиц предикатной лексики, можно представить триадой: строгость - свобода - любовь, что отражает позицию самого автора.

Большинство лексических средств характеристики князя Николая Андреевича Болконского отличается семантической двуплановостью, что позволяет писателю раскрыть философские вопросы ответственности и раскаяния человека, отношения к близким: *Он напомнил ей всё, в чём он был несправедлив против неё.* (6, 8) Противопоставление физической немощи и детской покорности во время болезни старого князя выявляет резкость стиля и коннотаций, что в свою очередь позволяет Л. Н. Толстому подчеркнуть факт равенства всех людей перед смертью.

В отличие от других членов семьи Болконских для князя Николая Андреевича не характерна эволюционность, на что указывают константы образа *постоянный, привычный*. Средства характеристики старого князя раскрывают авторский взгляд на проблемы воспитания, раскаяния и прощения,

которые совместно с идеей духовного совершенствования занимают важное место в романе.

В используемой предикатной лексике, характеризующей князя Андрея Болконского, отражена толстовская идея духовных исканий, являющаяся в романе одной из главных.

Первичное описание князя Андрея (с использованием оценочной лексики *красивый, молодой, небольшой, сухой*) создаётся автором в манере противопоставления его с окружающими людьми (членами салона Анны Павловны Шерер), в обрисовке которых выделяются такие средства, как *неизменный, старый, постоянный*, что выявляет идею конфликтности и внутренней дисгармонии героя.¹

Описание лица князя Андрея создаётся Л. Н. Толстым с помощью единиц оценочной лексики преимущественно с отрицательной коннотацией (*хмуриться, поморщиться, бледный, непроницаемый* и др.): *Князь Андрей, точно так же, как и все люди полка, нахмуренный и бледный, ходил взад и вперёд по лугу подле овсяного поля от одной межи до другой, заложив назад руки и опустив голову.* (6, 36)

Глаголы *бледнет, краснет* указывают на резкую смену психологического состояния, настроения: *Князь Андрей покраснел, что с ним часто случалось теперь и что особенно любила Наташа, и сказал, что сын его не будет жить с ними.* (6, 24)

Использование автором в тексте романа единиц *дрогнуть, просиять, весёлый, восторженный, кроткий, новый, нежный, оживлённый, сияющий, смущённый* в описании лица даёт возможность эксплицировать перемены во внутреннем мире героя, что способствует раскрытию авторской концепции необходимости духовного обновления: *Как только он увидал Наташу, лицо его просияло;* (6, 23) *«Он, как я уже писала вам, очень изменился последнее*

¹ Громов П. А. О стиле Льва Толстого. Становление диалектики души. - СПб.: Художественная литература, 2001. - С.69.

время. После его горя, он теперь только, в нынешнем году, совершенно нравственно **ожил**. Он стал таким, каким я его знала ребенком: **добрым, нежным, с тем золотым сердцем, которому я не знаю равного**» (Княжна Марья в письме к Жюли Курагиной). (6, 21)

Слова, характеризующие мимику и жесты, включают такие глаголы, как *зажмуриться, отвернуться, сморщиться, щуриться*, направленные на передачу отношения героя к окружающим людям: *Князь Андрей пожал плечами и поморщился, как морщатся любители музыки, услышав фальшивую ноту*. (4, 26) Лексемы *скучать* и *надоедать*, которые использует Л. Н. Толстой, являются константами в презентации конфликта героя с окружающим миром: *Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело*. (5, 45)

Глаголы с семантикой «межличностные отношения» важны не только для характеристики взаимоотношений персонажей, но и для создания целостного образа. Средствами характеристики князя Андрея являются оценочные единицы *восхищаться, ожидать, особенный, надутый, неприятный, холодный*, которые презентуют в тексте мнение массы людей, не указанных Л. Н. Толстым конкретно: *Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чем-то особенным от себя и от всех других людей, ожидали от него больших успехов, слушали его, восхищались им и подражали ему; и с этими людьми князь Андрей был прост и приятен* (5, 27); *Другие, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутым, холодным и неприятным человеком*. (6, 29) Семы «ирония», «насмешка», «пренебрежение», «снисхождение» актуализируются при употреблении писателем глагола *усмехаться* в создаваемых ситуациях общения князя Андрея с другими персонажами. Демонстрируя рациональность (логичность) как качество князя Андрея, автор характеризует героя в эмоциональном плане. Семы «сухость», «разочарованность» в структуре лексем-партнёров презентуют различные стороны в представлении мыслительно-чувственной деятельности героя: *И в*

*эти-то минуты, когда кто-то входил к нему, он бывал особенно **сух, строг, решителен** и в особенности неприятно **логичен**. (5, 27)* Своеобразие семантики глагола-константы *понять* создается за счёт актуализации потенциальных сем «осознать», «раскаяться», которые характеризуют изменения князя Андрея на определённом жизненном этапе: *Он теперь в первый раз **понял** всю жестокость своего отказа, увидел жестокость своего разрыва с ней. (5, 32)*

Князь Андрей показан Л. Н. Толстым как думающий человек, который, вместе с тем, пытается сдерживать эмоции, слёзы, о чём свидетельствует употребление единиц *задушить, сдерживаться, схватить за горло* (о слезах): *Когда он вдруг **понял** всё радостное значение этого крика, **слёзы задушили** его, и он, облокотившись обеими руками на подоконник, **всхлипывая, заплакал**, как плачут дети. (5, 19)* Глагол *плакать* отличается частотным употреблением в сценах, изображающих предсмертное состояние князя Андрея. В лексическом значении слова *слёзы* писателем актуализируются семы «радость», «смирение».

Семантика лексем со значением «счастье» служит лексическим средством фиксации не только статичного эмоционального состояния, но и показателем динамических изменений во внутреннем мире героя, что раскрывается через сему «динамичность». Значение «счастье» является неотъемлемой частью структуры глагола *любить* и однокоренных единиц: *«Да, **любовь** (думал он опять с совершенной ясностью), но не та **любовь**, которой **любят** за что-нибудь, для чего-нибудь, или почему-нибудь, но та **любовь**, которую, я испытывал в первый раз, когда умирая, я увидел своего врага, и всё-таки **полюбил** его». (5, 31)*

Анализ единиц с семантикой «воспоминание» показал, что художественная ситуация воспоминания связана с переломными моментами в судьбе князя Андрея (детство, военные события, встреча с Наташей, ранение и ожидание смерти). Воспоминания не только фиксируют события (с помощью глагола-константы *вспомнить*), но и отражают эмоциональное и физическое

состояние героя. Семантически близким глаголу *вспомнить* является глагол *представляться*. Ретроспективность, с точки зрения художественного замысла, необходима для того, чтобы показать этапы становления и развития личности персонажа.

Глагол *измениться* фиксирует факт эволюционности персонажа как характерную черту князя Андрея: *Несмотря на то, что ещё не много времени прошло с тех пор, как князь Андрей оставил Россию, он много **изменился** за это врем.* (5, 32) Контекстуальные партнёры-характеризаторы¹ уточняют, что именно претерпело изменение в мировоззрении: *Князь Андрей, весьма **изменившийся**, очевидно **поздоровевший**, но с **новой, поперечной морщиной** между бровей, в **штатском платье**, стоял против отца и князя Мещерского и горячо спорил, **делая энергические жесты**.* (5, 21)

Предикат *измениться* идейно, композиционно связан с глаголом *ожидать*. Динамика изменений фиксируется при помощи единиц-партнёров *божеский, любить, оживляться, понимать*. Философские смыслы приобретает лексема *новый* в эпизодах предсмертного состояния героя: *Когда он очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую из всех людей мира ему более всего хотелось **любить** той **новой, чистой, божеской** любовью, которая была теперь **открыта** ему, стояла перед ним на коленях.* (6, 32)

Единицы оценочной лексики, использованные Л. Н. Толстым при характеристике князя Андрея в предсмертном состоянии, в своей структуре содержат семы «любовь», «Бог» и «смерть». Константами образа князя Андрея как изменяющейся и положительно оцениваемой писателем личности являются лексемы *измениться, любить, новый*.

Таким образом, единицы предикатной лексики служат средством характеристики портрета, жестов, речи, поступков князя Андрея. В образе героя доминирующей является идея духовных поисков, духовного

¹ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. - Новосибирск, 2001. – С.89.

самосовершенствования, что передается автором с помощью семантики оценочных имён прилагательных и глаголов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

1. Оценочная семантика в языке Достоевского несет совокупную информацию о мировоззрении писателя (его «вечных», общечеловеческих, конкретно-исторических и личностно-ценностных ориентациях), его эмоционально-психическом состоянии и коммуникативных интенциях, побуждающих передавать авторский замысел читателю.

2. Многоаспектность оценочного значения позволяет говорить о нем, как о важнейшей составляющей художественного речемышления, объективированного в языковых средствах идиостиля. Речемышление при этом понимается не только как проявление индивидуальной языковой личности Достоевского, но и как процесс обнаружения потенциала языка.

3. Особый интерес лингвистов вызывает последний, новаторский по самой внутренней структуре, роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы», в котором своеобразно проявился его художественный дар познания внутреннего мира человека.

4. Одним из интереснейших вопросов изучения языка романа явился вопрос функционирования оценочной лексики. Как языковое средство с яркой экспрессивной окраской, богатая эмоциональными нюансами, расширенным смысловым объемом, оценочная лексика стала неотъемлемой частью индивидуального художественного почерка Ф.М. Достоевского.

5. Для идиостиля Достоевского характерно преобладание этических оценок, что обусловлено определенной позицией автора, оценивающего достоинства и недостатки своих героев именно с нравственно-этической точки зрения.

6. Одно из характерных свойств русского человека – сочетание в человеке божественного и дьявольского, ангельского и бесовского – в романах писателя раскрывают портреты героев. Портреты, написанные Достоевским, предстают как система авторских сигналов, призванных информировать читателя не столько о внешности персонажа, сколько о его месте в картине мироздания.

7. Проанализировав речевые характеристики основных героев произведения, можно сделать вывод о том, что портреты Достоевского – это не только описание внешности, сколько ее оценка. Авторские описания внешности минимальны, портрет персонажа складывается часто из реплик диалога, отражающих субъективное видение образа героя, а в качестве доминирующего средства психологического анализа и контрастного противопоставления образов персонажей романа используются лексические средства выражения эмоциональной оценки: слова с ярким коннотативным значением, многозначные слова, слова с суффиксами субъективной оценки.

8. Неослабевающий интерес к изучению языка произведений художественной литературы 2-ой половины XIX века обусловлен её гуманистическим пафосом и вниманием к персонажу как типу личности. Потому изучение различных аспектов художественного творчества Л. Н. Толстого - классика русской литературы, в произведениях которого поставлены религиозно-нравственные, философские вопросы, проблемы личности, носящие вневременной характер, тексты и образы которого являются достоянием русской и мировой культуры, продолжает также оставаться объектом многочисленных современных исследований.

9. Роман-эпопея «Война и мир» - вершина художественного творчества Л.Н.Толстого – по праву может считаться шедевром русской литературы. Здесь не только в полной широте отражены главные события начала XIX в., но и проявляются главные принципы народности, как его высшего общества, так и простых людей. Все это в едином потоке представляет собой отражение духа и жизни русского народа.

10. Семья для Толстого — это почва для формирования человеческой души, и в то же время в «Войне и мире» введение семейной темы является одним из способов организации текста. Атмосфера дома, родового гнезда, по мнению писателя, определяет склад психологии, взглядов и даже судьбы героев. Именно поэтому в системе всех основных образов романа Л. Н. Толстой выделяет несколько семей, на примере которых ярко выражено авторское отношение к идеалу домашнего очага. Сопоставляя различные варианты семейной жизни, писатель показывает, какой должна быть семья, что такое истинные семейные ценности, и как они влияют на формирование личности.

11. Большой интерес для изучения, на наш взгляд, представляют образы семьи Болконских, отличительные черты которых — духовность, ум, независимость, благородство, высокие представления о чести, долге.

12. В языковом плане интерес представляют эмоционально-оценочные лексемы, служащие средством характеристики героев в романе, в частности семьи Болконских. В каждой из лексико-семантических групп выделяются доминанты - константы образа.

13. Таким образом, единицы оценочной лексики служат средством характеристики героя. В образе героев Толстого доминирующей является идея духовных поисков, духовного самосовершенствования, что передается автором с помощью семантики оценочных имён прилагательных и глаголов.

ГЛАВА 3.
ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ
ВЫРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗАХ
В.ШУКШИНА

Творчество В.М.Шукшина стало предметом изучения многих исследователей. Н.Н.Стопченко в книге «Василий Шукшин в зарубежной культуре» отмечал, что, «отразив» русскую точку зрения» на существенные проблемы жизни в эпоху постмодерна, пронизав ее душевной болью и человеческим страданием из-за несовершенства нашего мира, гражданской ответственностью перед днем нынешним и завтрашним, он «ответил потребностям определенного времени, постиг его сверлящий нерв, чем открыл себе дорогу к самой широкой аудитории»¹.

Во всем, что создано В.Шукшиным в литературе, театре и в кино, скрыта напряженная авторская мысль. И мысль эта обращена к глубинным основам бытия, к проблемам нравственности, справедливости, правды. Не случайно В.Шукшина часто сравнивают с Ф.Достоевским: тот же доходящий до трагичности драматизм повествования, глубокий психологический анализ характеров героев. Опережая свое время, писатель обращался к потомкам, призывая их бережно хранить культурные ценности русского народа, особенно великий русский язык.

Язык В.М.Шукшина сыграл важную роль в развитии языка русской прозы второй половины XX века. В нем отразились языковые процессы, характерные для художественной литературы 60 – 70-х гг. вообще и для деревенской прозы в частности. Это, с одной стороны, опора на живую речь, с другой, полемика с разнообразными штампами – канцелярскими, газетными. Оба эти процесса определили характер языка прозы В.М.Шукшина, который противостоял

¹ Коробов В.И. Василий Шукшин. - М.: Художественная литература, 2004. – С.78.

обезличенному, стандартизированному языку прозы 40 – 50-х гг., подчиненному жестким запретительским нормам.¹

Язык и стиль произведений В.Шукшина - обширная и далеко еще не изученная область шукшиноведения. Среди русских писателей шестидесятих-семидесятих годов именно Шукшин адекватно воспринял и осознал языковую ситуацию, определившую его идиостиль. Доминантной содержательной чертой идиостиля Шукшина стала дискредитация «авторского отношения» как «авторитетной точки зрения». Это повлекло за собой отрицание стиля, организованного «видением», которое полностью замещается в эстетической программе Шукшина «речевой действительностью». Это результат последовательно проводимой писателем идеи «пересадки жизни» в искусство.

«Пересадка» животворящей материи жизни достигается благодаря филигранной работе писателя над словом: «Я знаю, когда пишу хорошо: когда пишу и будто вытаскиваю пером живые голоса людей».² Однако, эти «живые голоса» в контексте произведения оказываются связанными как с языковыми значениями, так и с авторскими смыслами, образуя систему, способную порождать всё новые «глубинные смыслы».

В центре художественного видения Шукшина – не проблема как таковая, пусть даже и опосредованная через судьбы и характеры героев, а собственно человек, его жизнь. В.М.Шукшина интересуется личностью в моменты наивысшего напряжения чувств, поэтому эмоционально-оценочная лексика в его рассказах выполняет важную стилистическую роль, направленную на формирование идиостиля. Писатель никогда не остаётся безучастным к своему страдающему, ищущему герою, поэтому эмоционально-оценочная лексика характеризует и авторскую речь, и речь персонажей, хотя

¹ Коробов В.И. Василий Шукшин. - М.: Художественная литература, 2004. – С.79.

² Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. – Т.3. – С.68.

соотношение их может быть далеко не одинаковым вследствие разных идейно-художественных задач.

Отличительной чертой многих рассказов В. М. Шукшина является использование лексики с оценочной семантикой для характеристики своих героев.

3.1. Оценочность как основная категория в рассказах В. М. Шукшина

Анализ литературы, проведенный в первой главе нашей работы, дает основание констатировать существование оценок объективных, рациональных, неэмоциональных, хотя они субъективны по своей природе (делаются субъектом оценки) и оценок субъективных, зависящих от эмоционального отношения и эмоционально-психологического состояния субъекта оценки.

Предлагаются различные типологии субъективных оценок, основанные на особенностях точки зрения, с которой производится оценка: внутренней (ощущение, эмоция) или внешней (образец, стандарт).

Для В. М. Шукшина значимой оказывается сама область оценочного именованья – что, какие сферы жизни человека, аспекты его бытия попадают в сферу активной оценочной номинативной деятельности. Так, в рассказах Шукшина в сферу оценки попадают прежде всего:

- 1) интеллектуальные способности человека, его образование;
- 2) речь как проявление внутреннего мира человека;
- 3) внешний вид и физическое состояние;
- 4) поведение человека, проявляющее его отношение к труду, собственности, окружающим людям.¹

¹ Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. – Т.3. – С.62.

Чаще всего оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонениями в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций. Смещение в сторону положительной оценки выражается в русском языке преимущественно средствами неноминативного модификационного словообразования.¹

Проанализировав рассказы В.М.Шукшина, можно сделать вывод, какова система ценностей человека, представленная средствами оценочной лексики в произведениях писателя.²

1) Умный и образованный человек входит в систему норм социальной жизни, недостаток ума и образования получают, естественно, отрицательную оценку, сопровождающуюся спектром отрицательных эмоциональных реакций на разную степень «недостаточности» интеллектуальных способностей и образования.

2) Активно оценивается речь человека, так как через неё выявляются многие сущностные черты. Герои рассказов Шукшина безразличны и к форме, и к содержанию речи. В формальном аспекте важны те свойства речи, которые способствуют адекватному, точному восприятию содержания, норма в этом аспекте – внятная речь в умеренном темпе.

Оценочные имена с отрицательной эмоциональной окраской получают лица, говорящие невнятно, слишком быстро. В последнем аспекте наиболее существенными параметрами, выявляемыми в системе оценочных имён, представляются содержательность речи, то есть её информационная насыщенность; правдивость речи; скромность говорящего; уважение к собеседнику. Так язык отражает представление говорящего человека об идеальной коммуникации.

¹ Козлова С. М. Поэтика рассказов В. Шукшина. – Барнаул, 2000. – С.42.

² Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Флинта, 2001. – С.69.

3) Поведение человека также находится в сфере активной оценочной деятельности человека. Оценивается прежде всего три аспекта: отношение к труду, собственности, окружающим людям.

Труд – основа социальной жизни, активное, положительное отношение к труду – норма социальной жизни.

Норма в отношении к собственности – бережное, расчётливое отношение, отрицательно оценивается как скупость, так и мотовство.¹

Особенно важна для человека сфера межличностных отношений, в оценочных номинациях отмечаются такие черты характера, свойства человека: злость, грубость, нахальство, угрюмый нрав. Широкий спектр отрицательных оценочных имён получают «аномальные» в системе нравственных норм пристрастия человека, такими аномалиями являются, как следует из анализа системы оценочных наименований лица, склонность к пьянству, внебрачным связям, недомовитость.

4) Внешность человека оценивается как со стороны врождённых, онтологических признаков, так и социальных, поведенческих. Эстетические стандарты, нормы в данном случае связаны с социальными характеристиками и прагматическими устремлениями. Эстетическая норма – пропорциональность сложения, социальная – опрятность. Аккуратность – аспект и социальной, и эстетической оценки, человек обращает внимание на опрятность, чистоту, аккуратность причёски, одежды, дома.

Таким образом, обозначив в системе оценочных имён аномалии внешнего вида, черт характера, поведения, представляется образ «идеального человека» – пропорционально сложенный, здоровый, аккуратный, добросовестно и продуктивно работающий, имеющий собственность, умеющий её сохранить, но не скупой, человек доброго и весёлого нрава, открытый в общении, не

¹ Коробов В.И. Василий Шукшин. - М.: Художественная литература, 2004. – С.78.

склонный к мотовству, пьянству, прелюбодейству, умный и образованный, умеющий ясно излагать мысли.

Но Шукшина не интересуется образ «идеального человека», потому что он сосредоточил своё внимание на обычных людях, живущих так называемой нормальной жизнью, рядом с нами. Они не соответствуют идеалу. Не находит себе удовлетворения лишь частица их души, натуры, личности. Частица, но она и есть главное. При наличии или отсутствии её персонажи делятся на два типа: «чудики» и «античудики».

3.2. Общая характеристика «чудиков»

Замечательный литературный критик С.М.Козлова писала: «Один из рассказов Василия Шукшина так и называется – «Чудик». Не самый заметный, пожалуй. Но, перебирая, словно бусинки чётков, их названия, на этом останавливаешься невольно. Ужели слово найдено».¹

В словаре Ожегова даётся такая трактовка слова: «чудик – странный, со странностями, чудной человек».²

В. М. Шукшин не зря называл своих героев не «чудаками», а именно «чудиками», ласково. В самом названии есть что-то маленькое, детское, незащищённое. Тем более, на это указывает суффикс модификационной семантики – ИК.

«Чудик» – это метка, которой люди весьма легко и беззаботно наделяют друг друга в повседневной жизни... Тут слышится и насмешка, и снисходительное любованье, и пренебрежение, и восхищение... Словом, совсем так, как в рассказах Шукшина, где чудиком слывёт не один только герой одноимённого рассказа, написанного ещё в 1967 году, неловкий,

¹ Козлова С. М. Поэтика рассказов В. Шукшина. – Барнаул, 2000. – С.165.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С. 771.

доброжелательный до неправдоподобия, при этом – застенчивый и гордый, несчастный и неунывающий...».¹

Такой же, например, «чудик» в глазах окружающих – столяр при «Заготзерне» Андрей Ерин, который, приобретя в сельпо микроскоп, объявил войну всем микробам мира. Или Моня, по паспорту Дмитрий Квасов, совхозный шофёр, двадцати шести лет от роду, который потому именно замыслил создать вечный двигатель, что вычитал в книгах, будто двигатель такой – невозможен. Это Николай Николаевич Князев из райгородка Н., мастер по ремонту телевизоров, который у себя на дому восемь общих толстых тетрадей исписал трактатами «О государстве», «О смысле жизни» и «О проблеме соборного времени» и многие другие.

Назвав так своего героя, В. М. Шукшин этим подчеркнул, что «чудик» – его любимый персонаж.

Вообще, «чудики» ассоциируются с коренным, исстари идущим типом «дурака» из балагана, сказок. Их «чудинки» свидетельствуют о непредсказуемом богатстве русской души. Они тихие, робко тыкающиеся к людям со своим добром, вечно попадающие впросак и теряющиеся, когда их ненавидят».²

Шукшинские «чудики» появляются тогда, когда вопрос ставится о смысле жизни. Главное для героя Шукшина, рядового человека, – поиск смысла жизни.

Сначала он наивен, это светлая душа, которая пытается отыскать идеальное начало русского характера. Это идеальное начало заключается в гармонии. А гармония составляет внутренний мир наивного «чудика». Он счастлив, потому что живёт на этой земле. Это Гринька Малюгин («Гринька Малюгин»), старуха («Письмо»), Ермолай («Дядя Ермолай»), старик («Как

¹ Козлова С. М. Поэтика рассказов В. Шукшина. – Барнаул, 2000. – С.166.

² Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина. - М.: Наука, 2001. – С.93.

помирал старик»), Сёмка Рысь («Мастер»), Андрей Ерин («Микроскоп») и другие.

В шестидесятые годы появляется задумывающийся «чудик». Он понимает, что в жизни не всё так хорошо, как кажется на первый взгляд. Это герой-странник. Он ищет смысл жизни, потому что произошла утрата гармоничного мироощущения человеком деревенского уклада. Это Чудик («Чудик»), Игнаха («Игнаха приехал»), Сашка («Обида»), шофёр Иван («В анфас и профиль»), Максим («Верую!»), Мотя Квасов («Упорный»), Спринька («Сураз») и другие.

Они любят весь мир, но мир, этот большой мир, их не понимает. Они задают этому большому миру вопрос: Почему? Люди, что с нами происходит? Вот тут-то и происходит нравственное размежевание двух сред (город-деревня).

Для того, чтобы разобраться, что же это за герой «чудик», что в нём такого, что возбуждает в нас тревогу и совесть и вызывает почти потерянное, ностальгическое сочувствие к нему, обратимся к языковой интерпретации высказываний, изображающих этих персонажей. Нами проанализировано 40 контекстов. Исследованный материал позволяет представить «чудика» в виде следующего образа.

I. Характеристика имени или прозвища.

Оно выражено собственными и нарицательными именами существительными.

*«Его звали - **Васёка**».*

(«Стенька Разин»)¹

*«**Минька** учился в Москве на артиста».*

(«И разыгрались же кони в поле») (38)

¹ Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. – Т.2. – С.112. Далее тексты цитируются по тому же источнику. В скобках дается указание страниц.

«Моня... Тут, между прочим, надо объяснить, и почему – Моня. Его звали – Митька, Дмитрий, но бабка звала его – Митрий, а ласково – Мотька, Мотя. А уж дружки переделали в Моню – так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Моня, как-то больше шло».
(«Упорный») (112)

Автор неслучайно назвал своих героев Васёками, Миньками, Митьками, Генками, («Гена Пройдисвет»), Спринька («Сураз»).

Шукшин употребляет не официальное имя (Сергей Сергеевич), а

1) усечённые формы

(Дмитрий, Митрий, Митя)

2) имена с суффиксом - к

(Сёмка, Спринька, Минька).

В использовании этих имён употребляется народно-разговорная традиция.

Форма имени характеризует персонажа:

1) персонаж воспринимается не как официальное, должностное, важное лицо;

2) это простой человек, из народа. Живёт в сибирском селе, неопределённого возраста, принадлежит близкому социально-психологическому кругу. Возникает некое родство, близость читателя и персонажа.

Но не все герои рассказов называют «чудика» по имени. Это зависит от типа персонажа. «Чудик» «чудика» всегда поймёт, поэтому-то и называет он его простецким именем, таким, например, как Моня, даже ещё к тому же, ласково. Смена субъекта оценки объясняет и изменение имени. «Античудик» никогда не назовёт «чудика» по имени. Он обзывает его грубыми, ругательными словами.

«Тут они попёрли на него в три голоса:

- Кретин! Сволочь!..»

(«Жена мужа в Париж провожала») (134)

В словаре Ожегова эти слова представлены с пометой «бранное» и несут негативную оценку.

«Кретин – тот, кто страдает кретинизмом, слабоумием вследствие ненормального развития щитовидной железы». «Сволочь – негодяй, мерзавец».¹ Мы не согласны с этой оценкой, так как автор уже показал, что этот «кретин», «сволочь» - обаятельный парень Колька Паратов.

«Даже жена ... тоже обзывала Дебил».

(«Дебил») (212)

В этом контексте субъектом оценки выступает жена. Она называет «чудика» обидным прозвищем, так как относится к «античудикам». Сам «чудик» противится этому прозвищу, объясняет, что так называют только дурака-переростка, который учиться не хочет, с которым учителя мучаются. Но для неё это не важно, он не такой, как она, значит, дебил.

Вообще, «имя – это личное название человека, даваемое при рождении».² Но получается, что об имени, даваемом при рождении, говорит только автор. Другие же персонажи называют «чудика» такими именами, которые возникают после общения с ним или какого-нибудь столкновения.

II. Портрет «чудика»

1. Внешний вид

Оценку внешности «чудика» изначально даёт сам автор, поэтому персонажи, изображённые автором очень красивы внешне.

«Студент – рослый парняга с простым, хорошим лицом – стоял в дверях аудитории...».

(«Экзамен») (234)

В этом контексте аксиологическое значение качественного прилагательного «рослый» представлено частнооценочным, относится, по классификации Арутюновой Н. Д., к эстетическим оценкам. В словаре

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С. 456.

² Коробов В.И. Василий Шукшин. - М.: Художественная литература, 2004. – С. 118.

Ожегова оно имеет значение: «крупный, высокого роста»,¹ следовательно, его можно отнести к словам с положительной оценкой, тем более на это указывает контекст. Это был не просто рослый парняга, а парняга с простым хорошим лицом.

В следующем контексте:

«Колька - обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льяным чубариком-чубчиком».

(«Жена мужа в Париж провожала») (136)

Качественное прилагательное «обаятельный» имеет значение – «очаровательный, полный обаяния».² Это слово даёт позитивную характеристику герою-«чудику». Так как оно относится к эстетическим оценкам, то словом «обаятельный» автор показывает очаровательность своего героя.

«Он был очень красивый человек, смуглый, крепкий, с карими, умными глазами...».

(«Из детских лет Ивана Попова») (256)

В этом контексте качественное прилагательное *красивый* – «доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный»³, смуглый – «цвет кожи темноватой окраски»⁴ и крепкий – «сильный физически, здоровый»⁵ автор изображает красоту своего героя, проявляет свою симпатию к нему.

Если субъектом оценки внешности «чудика» является другой персонаж («чудик»), то характеристика даётся позитивная.

« - Чего эт ты сёдня такой? - спросила бабка...

- Какой? – спокойно и снисходительно поинтересовался Моря.

- Довольный-то. Жмурисся, как кот на солнышке...»

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С. 556.

² Там же. – С.572.

³ Там же. – С. 447.

⁴ Там же. – С.628.

⁵ Там же. – С.438.

(«Упорный») (316)

В словаре Ожегова даётся значение качественного прилагательного «довольный» - испытывающий или выражающий удовлетворение.¹

Это прилагательное имеет частнооценочное значение, относится по классификации Арутюновой Н. Д. к психологическим оценкам. Даёт позитивную оценку персонажу. В контексте сочетание «жмурисся, как кот на солнышке» является шифром к слову «довольный».

Смена субъекта оценки объясняет и иное представление портрета «чудика». В следующем примере «античудик» даёт негативную оценку внешнему виду «чудика». Возникает такой портрет персонажа: он долговяз, невзрачен, непривлекателен.

*« – Сегодня четыре **оглоуда**, - начал председатель, – спали на полосе. Это: Санька Кречетов, Илюха Чумазий, Ванька Попов и Васька-безотцовщина. Вы што, соображаете?! А это **верзила** ... Колька, я про тебя! – в баньку ему, вишь, захотелось!»*

(«Из детских лет Ивана Попова») (378)

В отличие от предыдущего примера персонаж оценивается негативно, так как существительное «верзила» произносится врагом «чудика» – «античудиком». Оно имеет частнооценочное значение, относится к нормативным оценкам, выражает отклонение от нормы. В словаре Ожегова трактуется как «высокий и нескладный человек».²

Самооценка внешности в рассказах Шукшина не представлена, для них не характерно самописание, самолюбование. Важными становятся внутренние качества, а не внешняя оболочка героя.

2. Глаза

*«Максим Яриков смотрел на жену **чёрными, с горячим блеском глазами**».* («Верую!») (317)

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С. 239.

² Там же. – С. 334.

«Павла жизнь скособочила. Лицо ещё свежее, глаза умные, ясные, а осанки никакой. И в глазах умных большая спокойная грусть».

(«Осенью») (456)

В этих контекстах автор изображает глаза героев-«чудиков». Одни – «чёрные», «с горячим блеском», то есть живые, полные жизни, деятельности, энергии, их переполняют бурные чувства. Другие – «умные» – обладающие умом, выражающие ум,¹ такое значение даётся в словаре Ожегова. Качественное прилагательное *умный* имеет частнооценочное значение и относится к интеллектуальным, разновидности психологических оценок.

Автор заостряет внимание на глазах: то они «с горячим блеском», то «умные», то изображает их цвет: серые, карие, чёрные, синие. И всё это не случайно, потому что именно с помощью глаз раскрывается внутренний мир героя – «чудика».

«...почему-то в них приятно смотреть: они какие-то ужасно доверчивые».

(«Случай в ресторане») (329)

В следующем высказывании субъектом оценки глаз «чудика» выступает другой персонаж («чудик»):

«Я говорил, а краем глаза видел синеглазого: он ждал меня, чтобы досказать анекдот. Смотрел на меня и заранее опять улыбался своими невыразимо прекрасными, печальными глазами».

(«Жил человек...») (427)

В этом контексте изображены «прекрасные» и «печальные» глаза. Они прекрасны, оттого что «проникнуты печалью»² – это значение прилагательного в словаре Ожегова. Качественные прилагательные «прекрасные» и «печальные» имеют частнооценочное значение. Первое прилагательное

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.328.

² Там же. – С. 652.

относится к эстетическим оценкам, а второе – к эмоциональным, разновидности психологических оценок.

Эти глаза задумывающиеся и мыслящие, чего-то ждущие и ищущие, переживающие, живые. Оценка глаз «античудиком» и самооценка не представлены. «Чудики наоборот» – это люди чёрствые, бездушные, сдвинутые в дурную сторону – они не видят ни печали в глазах, ни горячего блеска, их душа мертва.

III. Внутренний мир героя можно рассмотреть по нескольким параметрам.

1. Душа героя.

У всех героев-«чудиков» есть душа, она-то и делает их странными, не даёт им покоя. Душа эта мающаяся. Сам Шукшин говорит: «Чудаковатость моих героев – форма проявления их духовности».¹

«Последнее время что-то совсем неладно было на душе у Тимофея Худякова – опостылело всё на свете. Так бы вот стал на четвереньки, и зарычал бы, и залаял, и головой бы замотал. Может, заплакал бы».

(«Билет на второй сеанс») (438)

«Смотрели на выставке всякую всячину. Колька любил смотреть сельхозмашины, подолгу простаивал перед тракторами, сеялками, косилками... Мысли от машин перескакивали на родную деревню, начинала болеть душа. Понимал, прекрасно понимал: то, как он живёт, – это не жизнь, это что-то очень нелепое, постыдное, мерзкое... Руки отвыкают от работы, душа высыхает – бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства».

(«Жена мужа в Париж провожала») (140)

«Ведь она же болит, душа-то. Зубы болят ночью, и то мы сломя голову бежим... А с душой куда?»

(«Ночью в бойлерной») (327)

¹ Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. – Т.3. – С.234.

« – Но у человека есть также – душа! Вот она, здесь, – болит! – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит».

(«Верую!») (369)

Из контекстов видно, что душа у «чудиков» болит, высыхает, неладно, худо на душе. В первых двух контекстах мы узнаём об этом от автора, потому что он, как нельзя лучше, знает своих героев. В двух последних контекстах о своих внутренних переживаниях, беспокойствах, тревогах рассказывают сами «чудики».

Другие персонажи не являются субъектами оценки души героя-«чудика». Они не замечают той боли, которую испытывает персонаж, потому что это внутреннее состояние героя. Понять это состояние может только автор и сам герой, который это переживает.

Таким образом, можно выявить следующую закономерность: душевные переживания передают глаголы. Это глаголы *болеть* – «испытывать боль», *опостылеть* – «стать постылым, очень надоест», *заплакать* – «проливать слёзы от боли, горя», *чувствовать* – «ощущать» и другие.

Душа значит для человека очень многое. Душа – это и есть сущность личности, продолжающаяся в ней жизнь бессменного, исторического человека, не сломленного временными невзгодами.

2. Чувства героя

«Чувства являются одной из форм отражения и познания человеком окружающей его действительности».¹ Поэтому они делятся на позитивные и негативные.

Позитивные чувства – это радость, сочувствие, уважение, способность любить. Рассмотрим примеры, где субъектом оценки этих чувств является автор:

¹ Емельянова О. Н. Ассоциативное поле существительных с семантикой чувства. – М.: Высшая школа, 2000. – С.73.

«Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись».

(«Чудик») (179)

Словарь Ожегова даёт определение отвлечённого существительного «радость»: «весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения».¹

Радость сопутствует «чудику» на протяжении всей жизни, потому что она тесно связана с душой героя, а у каждого героя-«чудика» есть душа. Он рад, что живёт на этой земле.

«Странное дело, но он сочувствовал парню...»

(«Экзамен») (258)

Сочувствие – это «отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других».² Значение данного слова в контексте соответствует его значению в словаре.

«Смелый он человек, папка. Я его уважаю».

(«Из детских лет Ивана Попова») (328)

В данном примере субъектом оценки выступает другой «чудик» («чудик» оценивает «чудика»).

Отвлечённое существительное «уважение» - «почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств», само по себе несёт позитивную оценку, что характерно для «чудиков», потому что изначально он настроен на добро.

«... теперь знаю: это был человек редкого сердца – добрый, любящий... Будучи холостым парнем, он взял маму с двумя детьми ...»

(«Из детских лет Ивана Попова») (325)

В этом контексте положительную оценку получает один «чудик» от другого. О позитивной оценке свидетельствует словосочетание «редкое сердце», то есть это человек добрый, делающий добро другим, отзывчивый

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.691.

² Там же. – С.738.

и любящий, которые являются синонимами в этом контексте.

Из приведённых примеров мы видим, что позитивные чувства «чудика» положительно оцениваются автором и другим персонажем («чудиком»). Но эти же самые чувства «античудик» оценивает отрицательно:

« – Ты долго там будешь пилить? Насмешил людей и рад. Кретин. Тебя же час во всех квартирах обсуждают».

(«Жена мужа в Париж провожала») (130)

Из контекста следует, что чувство радости «чудика» жена (она относится к «античудикам») оценивает негативно, хотя в словаре Ожегова оно имеет положительное значение (положительно его оценивают автор и «чудик»). Это несовпадение заключается в субъекте оценки.

Самооценка «чудика» представлена в оценке своих негативных чувств: страха, ненависти, нелюбви. Автор даёт шанс своему герою, чтобы он сам раскрыл свою сущность.

«Я невзлюбил отчима, и хоть не помнил родного отца, думал: будь он с нами, тятя-то, никуда бы мы не засобирались ехать».

(«Из детских лет Ивана Попова») (327)

*«Мы все лежали вповал. Мы тоже **побаивались** уполномоченного...»*

(«Из детских лет Ивана Попова») (332)

Из этих контекстов видно, что негативные чувства: страх – «очень сильный испуг, сильная боязнь»¹, нелюбовь – «отсутствие любви, неприязнь»², возникают у «чудиков» тогда, когда они видят что-то отрицательное, ненормальное, которое отравляет им существование.

Хотя герои-«чудики» предстают иногда пред нами отторгнутыми и отвергнутыми, «униженными и оскорблёнными», зато они обладают устойчивостью, упругостью, несгибаемостью характеров.

3. Характер героя

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.492.

² Там же. – С. 489.

Характер – это совокупность всех психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении.

Основные черты характера «чудика» – смелость и совестливость.

«А жил у сторожихи одной, боевая была старушка».

(«Жил человек») (442)

Боевая для Шукшина – значит, смелая. А смелость, как трактует Ожегов С. И. – «смелое поведение, решимость».¹ Поэтому и возникает уважение к тому герою, который ею обладает.

В следующем примере субъектом оценки характера «чудика» является другой «чудик». Мы видим, что оценка остаётся положительной.

«Смелый он человек, папка. Я его уважаю».

(«Из детских лет Ивана Попова») (335)

Качественное прилагательное «смелый» имеет частнооценочное значение, относится к нормативным оценкам.

Оценка «античудика» и самооценка смелости «чудика» в рассказах не представлена. При столкновении двух персонажей («чудика» и «античудика») «чудик» постоянно испытывает чувство страха, боится своего противника. Автор поэтому и наделяет своего героя смелостью, чтобы он боролся со страхом, преодолевал его. Страх выражается разными частями речи:

а) глаголами –

*«**Боюсь** чиновников, продавцов и вот таких, как этот горилла... псих с длинными руками, узколобый».*

(«Боря») (455)

*« – Но ты тоже бабонька: где так смелая, а тут **испугалась** чего-то, – сказал Шурка недовольно. – Чего ты испугалась-то?»*

(«Сельские жители») (14)

*«Чудик» уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. **Побаивался**».*

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.501.

(«Чудик») (127)

б) категорией состояния –

« – *Попали в окружение...*

- *Страшно было?*

- *Страшно».*

(«Экзамен») (227)

в) существительными –

«*В один такой вечер мы читали «Вия». Я, сам замирая от **страха**, читал».*

(«Из детских лет Ивана Попова») (337)

«*У Сашки подкосились ноги: он решил, что что-то случилось с детьми – с Машей или с другой маленькой, которая только-только ещё начала ходить. Сашка даже не смог от **испуга** крикнуть...»*

(«Обида») (218)

Анализируя рассказы Шукшина, можно обнаружить две степени страха: большую и меньшую.

«*Он ужасно боялся уполномоченного».*

(«Из детских лет Ивана Попова») (339)

Наречие «ужасно» выражает большую степень страха.

«*Но лес не нашенский, не острова, – бор, это **страшновато».***

(«Из детских лет Ивана Попова») (338)

«*Страшновато»* выражает меньшую степень страха.

Страх и стыд сопутствуют герою, потому что это природное начало.

Стыд и совесть являются синонимами. Это ещё одна черта характера, присущая «чудикам».

«***Стыдно** было жениху с невестой – они трезвее других, совестливее».*

(«Осенью») (328)

«*Профессору стало **немного стыдно** за свою строгость».*

(«Экзамен») (332)

«Стыдно» – это категория состояния, которая обозначает душевное состояние «чудика». В словаре Ожегова слово «стыдно» имеет следующее значение: «испытываемое чувство стыда».¹ Герою Шукшина всегда стыдно, хоть немного, хоть в малой степени, но всё-таки стыдно. Поэтому любит автор своих героев-«чудиков», потому что они могут понять, признаться в своей несправедливости и неправоте.

*«Ему стало **совестно**, что поторопился: он в самом деле решил, что свояк хочет его ударить, когда потянулся с кулаком».*

(«Сваяк Сергей Сергеевич») (426)

*«Как я теперь понимаю, это был человек добродушный, **большого терпения и совестливости**. Он жил с нами на пашне, сам починял верёвочную сбрую, длинно матерился при этом».*

(«Из детских лет Ивана Попова») (339)

Совестливый герой у В. М. Шукшина происходит из простого люда, он выступает «без грима и без причёски». Оценка совестливости «античудиком» не представлена, потому что ему чужда эта черта характера.

Пристально рассмотреть смятение души героя и поиски выхода из этого смятения могут только автор и сами «чудики».

*«Чёрт с ней, с этой Ларисой!.. Может, расскажет, а может, и не расскажет. Зато он всё равно дома. И тут уж не так было больно, как вчера вечером. Ну, что же уж тут такого?.. **Стыдно только**. Ну, может, пройдёт как-нибудь».*

(«Медик Володя») (528)

*«Володе даже понравилось, как он стал нагло **нагло** распоясываться, он втайне завидовал сокурсникам-горожанам,*

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.671.

особенно старшекурсникам, но сам не решался изображать из себя такого же – совестно было».

(«Медик Володя») (530)

Совесть – главная черта характера «чудика». Ему всегда стыдно, совестно, неловко от сознания неправоты или чувства стеснения. «Чудик» сам осознаёт это, поэтому испытывает чувство стыда, раскаяния. Он признаётся себе в этом.

В группе оценочных слов, выражающих социальные характеристики «чудиков», можно выделить слова, выражающие отношение к работе, к ремеслу, занятиям:

«... Охотник он был умный и удачливый».

(«Миль пардон, мадам!») (332)

«Был он непревзойденный столяр».

(«Мастер») (421)

В словаре С.И.Ожегова значение слова «умный» определяется как «обладающий умом»,¹ «удачливый» - «такой, которому все удастся»², «непревзойденный» - «самый совершенный».³ В ряду приведенных прилагательных Шукшин дает персонажам оценку не просто положительную, а в высшей степени положительную. Это еще раз доказывает, что, как для самого писателя, так и для круга его читателей, социально-важными являются следующие факторы характеристики личности: трудолюбие, работоспособность, усердие и мастерство.

3.3. «Античудики» и их языковая представленность

В. М. Шукшин верил в силы своего народа. Неистребимая вера в человека заставляла Василия Макаровича бороться за него до конца. И только в самых крайних случаях, когда не оставалось и проблеска человечности, когда

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.592.

² Там же. – С.628.

³ Там же. – С.667.

торжествовали насилие и глумление над разумом и сердцем, над совестью и честью, над правдой, тогда автор становился беспощадным. Именно тогда появляются его герои-«античудики». Это люди тяжкого, земного, материального устроения. Они всегда лишены важнейших для писателя качеств – внутренней наполненности, глубины, духовности. Эти персонажи отпали по тем или иным причинам от животворного источника.¹

«Античудиками» могут быть как мужчины: Бронислав Пупков («Миль пардон, мадам»), Глеб Капустин («Срезал»), бригадир Шурыгин («Крепкий мужик»), Сергей Сергеевич («Свойак Сергей Сергеевич»), Кузовников Николай Григорьевич («Выбираю деревню на жительство») и другие, так и женщины: жёны «чудиков» и продавцы.

Проанализировав «античудиков» (30 контекстов), мы определили их языковое отражение, придерживаясь тех же оснований классификации, по которым рассматривались герои-«чудики».

I. Характеристика имени или прозвища.

Автор даёт «античудика» имя, несочетаемое с фамилией.

«Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало».

(«Срезал») (427)

Глеб – имя праведника, а Капустин – ироническая фамилия. Это злостная шутка автора над героем. Поэтому можно объяснить поведение «античудика», оно связано с обидой на саму жизнь. То же самое можно сказать о Брониславе Пупкове («Миль пардон, мадам!»). Жизнь обещана ему как Брониславу (прославленному человеку), а живёт он как Пупков. Это тоже своеобразная обида на жизнь.

Субъект оценки сменяется на «чудика», тогда у «античудика», вообще, нет имени, его называют просто хамом.

¹ Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. – Т.2. – С.57.

«Как же так? До каких пор мы сами будем помогать хамству?.. Что за манера? Что за проклятое желание угодить хамоватому продавцу, чиновнику, просто хаму – угодить во что бы то ни стало! Ведь мы сами расплодили хамов, сами! Никто их нам не завёз, не забросил на парашютах».

(«Обида») (428)

Из приведённого примера видно, что для «чудика» хамами являются чиновник, продавец и просто уличный хам. Лексическая единица «хам» изначально имеет отрицательное значение. Словарь Ожегова так трактует это слово: «грубый, наглый человек».¹ Контекст усиливает значение слова «хам». Это происходит с помощью сочетания «проклятое желание угодить» и глагола «расплодить». Хамство есть способ утверждения личности. Так считалось всегда. И ведёт оно к разрушению личности. Когда человек не умеет проявить себя как личность иным образом, он обращается к животным началам и находит, по-видимому, в этом, несмотря на протестующий голос совести, какое-то удовлетворение. Другими словами говоря, хамство есть признак неразвитости, несостоятельности личности или её деградации, что характерно для «античудиков».

Субъектом оценки «античудика» выступает его сторонник. Он называет «чудика наоборот» официальными именами: Фёдор Иванович, Сергей Сергеевич. Форма имени характеризует персонаж как должностное, официальное, важное лицо. Это зависит от социальной характеристики персонажа. Они председатели, их заместители, кандидаты, врачи, корреспонденты, то есть «хозяева жизни».

Так их назвал «чудик» из рассказа «Случай в ресторане»:

« – Вы – какие-то хозяева жизни. Я не умею так жить».

(«Случай в ресторане») (528)

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.781.

Оценка автора и персонажа («античудика») при характеристике имени «античудика» не совпадает. Это несовпадение в оценке и есть отражение социальных противоречий в конфликтах рассказов.

Сам «античудик» всегда представляется полным именем и указывает своё социальное положение.

*«В комнату вошёл человек, **большой, толстый**, в парусиновом белом костюме, протянул Лёле большую потную руку, - **Фёдор Иванович Анашкин. Заместитель Трофимова**».*

(«Лёля Селезнёва с факультета журналистики») (538)

Качественные прилагательные «большой, «толстый» (человек) и «большую», «потную» (руку), которые используются при характеристике Анашкина, указывают на отрицательного персонажа, так как они несут негативное значение.

II. Портрет «античудика»

1. Внешний вид

Описание внешнего вида «античудика» зависит от субъекта оценки. Если субъектом оценки является автор, то оценка даётся негативная. Она выражается именами прилагательными.

*«Глеб Капустин – **толстогубый, белобрысый** мужик, **начитанный и ехидный**».*

(«Срезал») (553)

Качественное прилагательное «толстогубый» имеет частнооценочное значение, относится, по классификации Арутюновой Н. Д., к эстетическим оценкам. Негативную оценку внешнего вида персонажа автор усиливает с помощью слов «начитанный» и «ехидный». «Начитанный» в словаре Ожегова: «много читавший, хорошо знакомый с литературой»¹, имеет положительное значение, но в сочетании с прилагательным «ехидный»:

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.551.

«язвительный, коварный»¹, которое является носителем негативной оценки, то есть в контексте, «начитанный» приобрело отрицательное значение.

«Вышел Игорь, наверно, сын... Здоровый, разгорячённый завтраком, важный».

(«Обида») (278)

В этом примере субъектом оценки выступает автор. В словаре Ожегова качественное прилагательное «здоровый» имеет несколько значений. Одно из них, которое соответствует контексту, это «сильный, крепкого сложения человек».² То есть значение прилагательного «здоровый» идёт со знаком «+», но в сочетании со словом «важный» – «горделиво-величественный, надменный», получает отрицательную оценку.

« - Что же вы такие, Света? – спросил Костя, как можно спокойнее...

- Какие?

- Да лахудры-то такие...»

(«Други игрищ и забав») (428)

Субъектом оценки в данном контексте является другой персонаж («чудик»). «Ляхудра» – слово, которое не зафиксировано в словаре Ожегова, относится к разговорному стилю речи. Несёт в себе эстетическую оценку персонажа, внешний вид «античудика» «чудиком» оценивается отрицательно.

Эстетическая оценка отражает уважительное отношение к красивому и насмешливое к некрасивому. Причём язык фиксирует чаще негативное, стандартное же остаётся вне номинации.

Оценка «античудика» связана со сменой субъекта. Если субъектом выступает «античудик», то оценка даётся положительная.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.621.

² Там же. – С.549.

*«Для тебя мы её растили, чтоб ты руки тут распускал?! Не дорос! Она у нас вон **какая красавица!** С ней вон какие ребята дружили, не тебе чета...».*

(«Жена мужа в Париж провожала») (146)

В этом примере портретную оценку «античудик» получает от других «античудиков». В словаре Ожегова слово «красавица» тоже имеет положительное значение.

Самооценка внешности для «античудика» не характерна, так как объектом его оценки является окружающий мир. Его оценка направлена не на себя, а на окружающих.

2. Глаза

*«**Тёмные** глаза его близко **полыхнули** **злостью** и **скорой, радостно-скорой расправой**».*

(«Обида») (318)

В этом примере субъектом оценки выступает автор. Он изображает истинные глаза «античудика». Они тёмные, наполненные злостью, расправой. В них скопились все негативные качества «античудика». Всё дурное, нехорошее делается под покровом ночи. Поэтому автор неслучайно в изображении глаз использует качественное прилагательное «тёмный». Глаза «античудиков» всегда тёмного цвета. Это положение подтверждается следующими примерами:

*«Вышел Игорь, наверно, сын, тоже с **тёмными**, чуть влажными глазами».*

(«Обида») (320)

*«Глеб посмеивался. И как-то мстительно шурил свои **настырные** глаза. В деревне не любили Глеба. Опасались».*

(«Срезал») (417)

Здесь автор изображает мстительные, настырные глаза. Владелец таких глаз уничтожит всё стоящее на своём пути и не будет сожалеть об этом.

Глаголы «не любить», «опасаться» демонстрируют героя - «античудика». Они показывают отношение окружающих к нему.

«Глаза эти не нравились Анатолию.

- Вредные глаза! Нет, это он пустил по селу «Дебила», он, точно».

(«Дебил») (391)

В этом контексте происходит смена субъекта. Субъектом выступает «чудик». Он даёт негативную оценку глаз. Качественное прилагательное «вредный» имеет значение «недоброжелательный, неприязненно настроенный».¹ Оно является частнооценочным и по классификации Арутюновой Н. Д. относится к утилитарным оценкам.

«Он – это учитель литературы, маленький, ехидный человек. Глаза, как у чёрта, - светятся и смеются».

(«Дебил») (392)

В данном примере глаза «античудика» оцениваются «чудиком», оценка остаётся негативной. Глаза сравниваются с глазами чёрта. Это неслучайно, потому что в «античудике» есть что-то бесовское. И своими бесовскими глазами герой видит мир в искажённом виде. Глаза – отражение внутреннего мира героя.

III. Внутренний мир «античудика»

При анализе внутреннего мира «античудика» мы будем придерживаться тех же оснований классификации, по которым рассматривали героя-«чудика».

1. Душа

Первое основание (душа героя) отпадает, потому что «античудики» лишены внутренней наполненности, глубины, духовности. Душа является критерием разграничения персонажей: при наличии души появляются «чудики», при её отсутствии – «античудики».

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.513.

«Античудик» – зеркальное отражение «чудика». Всё, что у «чудика» оценивается позитивно, у «античудика» имеет негативную оценку.

2. Чувства героя

«Античудик» – персонаж негативной стороны жизни. Поэтому ему постоянно сопутствуют отрицательные чувства: неодобрение, неприятие, осуждение, раздражение, пренебрежение, презрение и другие. Автор, который реально оценивает своего героя, даёт этим чувствам негативную оценку.

*«Жена зла на Кольку, **ненавидит** его за эти концерты».*

(«Жена мужа в Париж провожала») (128)

Словарь Ожегова объясняет значение отвлечённого существительного «ненависть» как «чувство сильной вражды и отвращения».¹ Она ненавидит Кольку, а Колька – это герой-«чудик», любимый персонаж Шукшина, поэтому автор за это ненавидит её. Он даже не даёт ей имени, а фамильярно называет – жена.

«Чудик», выступающий субъектом оценки чувств «античудика», даже его позитивным чувствам даёт негативную оценку.

« – Что, горько?.. Захапал чужое-то, а горько. Радовался тогда?.. Вот как на чужом-то несчастье свою жизнь строить... Думал, будешь жить припеваючи? Не-ет, так не бывает. Вот я теперь вижу, как тебе всё это досталось...».

(«Осенью») (278)

В словаре Ожегова глагол «радоваться» имеет значение – «ощущение большого душевного удовлетворения»², выражает положительную эмоциональную оценку. В сочетании с наречием «горько» и глаголом «захапать», которые являются носителями отрицательной оценки, приобретает негативное значение.

В следующем контексте субъектом оценки остаётся «чудик»:

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.562.

² Там же. – С.439.

«Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит».

(«Чудик») (228)

Здесь «античудиком» выступает жена. Она испытывает нелюбовь к своему мужу – «чудику». Нелюбовь – это «неприянь»¹, так трактует словарь Ожегова.

Брат «чудика» (тоже «чудик») даёт негативную оценку этому чувству. На это указывает простая сравнительная степень наречия «хуже». Она обозначает, что нелюбовь может проявиться в большей степени.

В следующем примере субъектом оценки выступает «античудик»:

*«- Ну и правильно делаешь, что **ненавидишь** этого кретина! Живёт на всё готовенькое, да ещё!.. **Сволочь!**»*

(«Жена мужа в Париж провожала») (128)

3. Характер героя

Характер – это основа личности, её каркас. «Античудик» – это негативный персонаж, значит, те черты характера, которые мы рассматривали у «чудика», ему не присущи. Смелость выражает оценку уважения автора. Шукшин осуждает и не принимает героя-«античудика», относится к нему критично: даёт ему ужасное имя, негативно оценивает его внешность, говорит о бедности его внутреннего мира, то есть делает из него морального урод. Если «чудикам» смелость нужна для борьбы со страхом, который они испытывают перед своими противниками, то «античудики» используют её для другой цели: для демонстрации своего внешнего вида, способностей и поведения. Поэтому оценка субъекта (субъектом выступает автор) даётся отрицательная.

*«Глеб Капустин шёл **смело**, впереди остальных, руки **держал в карманах**, **щурился** на избу бабки Агафьи».*

(«Срезал») (336)

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.479.

Наречие «смело» («ничего не боясь») обозначает признак действия. В этом примере «античудик» сравнивается с кулачным бойцом, автор это подчёркивает сочетание слов «руки в карманах».

Совестливость, которая является основной чертой характера «чудика», в контекстах, характеризующих «античудика», не представлена. Примеры указывают на её отсутствие. Об этом говорит автор и другие персонажи.

«Люди торопятся, людей много, она этим пользуется, бесстыдница».

(«Выбираю деревню на жительство») (444)

«Филипп спустя год спросил у Павла, мужа Марьи:

- Не совестно было? В церкву-то попёрся...

- А чего мне совестно-то должно быть?

- Старикам-то поддался.

- Я не поддался, я сам хотел венчаться.

- Вот я и спрашиваю, - растерялся Филипп, - не совестно?

(«Осенью») (428)

Словарь Ожегова трактует слово «совестно» – «неловко от сознания неправоты или от чувства стеснения».¹ Но ничего подобного «античудик» не испытывает. Это передаёт категория состояния, частица *не* указывает на отсутствие душевного состояния человека.

Античудик не является субъектом оценки совестливости, потому что ему чуждо это состояние, он никогда не испытывал его. Вообще отсутствие совестливости указывает на то, что перед нами герой-«античудик».

«С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила. И не потому, что он был бессовестный человек, нет, просто это так изначально повелось: при чём тут совесть! Сумей только аккуратно сделать, не психуй, и не жадничай, и не будь идиотом, а совесть – это...

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.721.

знаете... Когда есть в загашинике, можно и про совесть поговорить, но всё же спится тогда спокойнее, когда ты всё досконально продумал, всё взвесил, проверил, свёл концы с концами – тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит. А это – сверкать голым задом да про совесть трещать – это, знаете, неумно».

(«Выбираю деревню на жительство») (446)

Здесь субъектом оценки является сам «античудик». Автор только передаёт слова, мысли героя, которые касаются совести. Словарь Ожегова даёт такое определение отвлечённого существительного «совесть»: «сознание неправоты или чувство стеснения».¹ «Каждый нормальный человек, который живёт нормальной жизнью», как говорил сам Шукшин, должен обладать совестью. Это очень старое понятие, которое заимствовано из старославянского языка, где оно является словообразовательной калькой греческого *syμβούλιον*, что обозначает «ведать, знать».²

Отсутствие совести в человеке делает его моральным уродом. Поэтому для «античудиков» Шукшина являются основными такие черты характера, как:

1) гордость и высокомерие:

«У нас отпуск большой, мы же – льготники. – И опять гордость, высокомерие. Живого места нет на человеке – весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут – кричит и хвалится».

(«Своjak Сергей Сергеевич») (429)

В данном контексте субъектом оценки негативных черт характера «античудика» выступает автор. Отвлечённые существительные «гордость», «высокомерие» называют явления, отражающие отрицательное значение в производных. Первоначальное их значение – «дурной, глупый, надменный».³ Значение этих слов сохраняется в этом контексте;

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.371.

² Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. – Т.3. – С.213.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.541.

- 2) жадность к деньгам и вещам;
- 3) душевная глухота и недоброта;
- 4) нежелание и неумение хоть сколько-нибудь понять живущего рядом человека;
- 5) вздорность, агрессивность.

«Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены огромную, удивительную жадность к деньгам. Он попытался было воздействовать на неё, что нельзя же так-то уж, но получил железный отпор.

- У нас в деревне и то бабы не такие жадные...»

(«Жена мужа в Париж провожала») (129)

Субъектом оценки в данном примере выступает персонаж («чудик»). Лексическая единица: «жадность – жажда, желание, скупость», выражает отрицательную оценку. Качественные прилагательные «огромная» и «удивительная» оценивают отвлечённое существительное «жадность» с разных сторон. «Огромная» обозначает отклонение от нормы, признак выражен в большой степени. «Удивительная» – у главного персонажа («чудика») возникает непонимание, которое допускает возможность бережливости в определённой степени. В этом контексте используется сравнение жены («античудика») с деревенскими бабами.

Таким образом, можно сказать, что Шукшину неприятен и жалок тип «античудика». В их поведении, характере заметна «сдвинутость». Только сдвинуты эти люди совсем в другую, дурную сторону. «Античудики» – непревзойдённые мастера творить зло, пусть мелкое, пусть бессмысленное, бьющее, прежде всего, по ним же. Творят они его с истинно творческим азартом, артистически, с упоением.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

1. Творчество В.Шукшина стало предметом изучения многих исследователей. В центре художественного видения Шукшина – личность в моменты наивысшего напряжения чувств, поэтому эмоционально-оценочная лексика в его рассказах выполняет важную стилистическую роль, направленную на формирование идиостиля. Писатель никогда не остаётся безучастным к своему страдающему, ищущему герою, поэтому лексика оценочной семантики характеризует и авторскую речь, и речь персонажей.

2. Система оценочных имён, характеризующих человека в рассказах В. М. Шукшина, позволяет определить совокупность социальных, эстетических пристрастий данного социального единства. Так, в рассказах Шукшина в сферу оценки попадают прежде всего:

- 1) интеллектуальные способности человека, его образование;
- 2) речь как проявление внутреннего мира человека;
- 3) внешний вид и физическое состояние;
- 4) поведение человека, проявляющее его отношение к труду, собственности, окружающим людям.

3. Шукшина не интересуется образ «идеального человека», он сосредоточил своё внимание на обычных людях, живущих так называемой нормальной жизнью, рядом с нами. Они не соответствуют идеалу. Не находит себе удовлетворения лишь частица их души, натуры, личности. При наличии или отсутствии этой частицы персонажи делятся на два типа: «чудики» и «античудики».

4. Проанализировав языковые средства характеристики героя-«чудика», мы пришли к следующим выводам:

- во-первых, «чудик» как главный любимый персонаж Шукшина анализируется автором в разных аспектах, а, следовательно, является объектом и аксиологического описания;

- во-вторых, оценочному анализу подвергаются как внешние портретные характеристики персонажа (любимые автором персонажи очень красивы внешне), так и его внутренний мир. При этом отсутствует полная картина образа персонажа, в рассказах представлены лишь актуально значимые фрагменты:

1) имя как отражение социальной характеристики персонажа (как правило, это простой человек, из народа);

2) душа как неотъемлемая часть неудовлетворённого жизнью человека;

3) глаза как отражение мыслей, состояния, переживания;

- в-третьих, «чудик» является объектом оценки автора, персонажей рассказов и самооценки;

- в-четвёртых, при аксиологическом описании автор широко использует разные лексические и словообразовательные средства (слова с негативной и позитивной коннотацией, словообразовательные модификационные суффиксы, лексическую сочетаемость).

5. Рассмотрев героя-«античудика», также можно выделить следующие моменты:

- «античудик» неприятен и жалок Шукшину, автор не принимает и осуждает черты его характера;

- оценочному анализу также подвергаются как внешние портретные характеристики персонажа, так и его внутренний мир;

- для «античудиков» основными являются такие черты характера, как: гордость, высокомерие, жадность к деньгам и вещам, душевная глухота и недоброта, нежелание и неумение хоть сколько-нибудь понять живущего рядом человека, вздорность, агрессивность.

6. При аксиологическом описании этих героев автор также широко использует разные лексические и словообразовательные средства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория оценки – одна из самых востребованных в языковой картине мира говорящего, так как ее семантика несет в себе систему ценностей окружающего мира и ценность человека в нем, объективированные в единицах языка. Оценочная деятельность как способ выражения говорящим своего отношения к реалиям окружающей его действительности рассматривается в научной литературе как важнейший аспект коммуникативной деятельности человека, оценка является чрезвычайно значимым прагматическим сигналом, который во многом организует структуру речевого акта. Оценка – важнейший компонент когнитивных процессов, во многих случаях именно оценочная квалификация завершает познание новой реалии действительности и включение ее в сферу жизненных интересов человека.¹

Изучение лексики с компонентом оценки может дать новую информацию об этических особенностях восприятия окружающей действительности: чем более значима какая-либо сфера жизни для носителей языка, тем больший набор описывающих ее лексем с оценочной коннотацией наличествует в системе языка, позволяя говорящему полнее выразить свои позитивные или негативные эмоции.

Динамика оценки, отражающая изменчивость качеств мира и человека, приводит к преобразению языковых процессов и языковых единиц, важность которых в лингвистическом сознании и речевой деятельности несомненна. Развитие прагматического потенциала языковых единиц, усиление их воздействующей силы, а также необходимость системного изучения оценочной функции как стратегии воздействия на адресата, определяет необходимость исследования данного вопроса.

¹ Гибатова Г.Ф. Семантическая категория оценки и средства ее выражения в современном русском языке. - Уфа, 2000. - С.18.

Анализ литературы дает возможность констатировать, что типы оценочной лексики разнообразны и поэтому они были систематизированы. Различают общеоценочную и частнооценочную (по степени соотношения в них объективного и субъективного), рациональную и эмоциональную (по характеру), положительную и отрицательную (в основе лежит аксиологическая интерпретация) оценки.

В оценке постоянно взаимодействуют субъективный и объективный факторы, причем каждый из них затрагивает и субъект, и объект оценки. Так, субъект выражает оценку, как на основе собственных эмоций, так и с учетом социальных стереотипов, объект оценки также подразумевает объективные свойства и свойства, которые могут оцениваться, исходя из предпочтений индивидуального субъекта.¹

В ходе исследования были проанализированы лексемы с оценочным значением в романах Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы», Л.Н.Толстого «Война и мир» и рассказах В.М.Шукшина.

В сферу нашего внимания попали не только слова, содержащие оценку в своей семантике, но и слова, эмоциональная оценка которых заключена в их словообразовании, коннотации.

Подводя итог проделанной работе, можно выделить следующие типы эмоционально-оценочных лексем с точки зрения их принадлежности, используемые писателями:

1) *авторская оценка*. Автор использует анализируемые единицы в следующих целях: 1) эмоциональная оценка героев, их характеров, как через описание внешности, так и через непосредственные характеристики, оценку образа жизни персонажа; 2) выражение иронии; 3) попытка воздействовать на читателя, заставить его интерпретировать текст так, как задумал писатель. Как прямые, так и косвенные позитивные или негативные оценки автора,

¹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 2001. - С.103.

приведенные в произведении, сигнализируют читателю о том, как он должен относиться к происходящему;

2) *оценка, данная персонажами*. В этой группе лексем следует выделить: чужие оценки, т.е. персонажи характеризуют события, друг друга (тем самым мы имеем возможность судить об их взаимоотношениях); герои таким образом сами раскрывают свою сущность;

самооценка. Стоит отметить: самооценка наиболее свойственна положительным героям.

Оценка, несомненно, соотносится с характеристикой. Потому с уверенностью можно утверждать, что основной функцией эмоционально-оценочной лексики в произведениях анализируемых авторов является характеризующая функция.

Также стоит отметить и воздействующую функцию эмоционально-оценочной лексики, т.е. своими высказываниями, эмоциональными оценками герои пытаются воздействовать на своего собеседника, на его эмоции, чувства, поступки.

В художественных текстах представлена целая палитра языковых средств эмоциональной оценки.

В текстовом пространстве Ф.М.Достоевского весьма интенсивно используются лексические средства выражения эмоциональной оценки: слова с ярким коннотативным значением, многозначные слова, слова с суффиксами субъективной оценки. Значительное количество выделенных в тексте Ф.М.Достоевского лексических единиц занимают те, оценочность которых, ее характер заложены в корне слова. Наиболее экспрессивны, выразительны эмоциональные прилагательные, употребленные в переносном значении.

Семантическая структура оценочной лексики позволяет Л. Н. Толстому посредством образов представить различные сферы художественно воссоздаваемой действительности: внешний облик персонажей, картину психологического мира, статические и динамические особенности характеров,

акцентировать внимание на нравственных, религиозных сферах, на вопросах воспитания, значения личности в истории, на философских вопросах бытия человека.

В центре художественного видения Шукшина – личность в моменты наивысшего напряжения чувств, поэтому эмоционально-оценочная лексика в его рассказах выполняет важную стилистическую роль, направленную на формирование идиостиля. Писатель никогда не остаётся безучастным к своему страдающему, ищущему герою, и поэтому эмоционально-оценочная лексика характеризует и авторскую речь, и речь персонажей, хотя соотношение их может быть далеко не одинаковым вследствие разных идейно-художественных задач.

Таким образом, анализ лексики с оценочной семантикой в художественном дискурсе помогает создать целостное впечатление о внутренней жизни персонажей и особенностях их поведения, о жизненных приоритетах, сформулировать мировоззренческую позицию автора, выявить данный лексический пласт как некий единый континуум, определяющий основные черты идиостиля писателя в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И. А. Узбекистан на пороге достижения независимости. - Т.: Узбекистан, 2011. - 269 с.
2. Алексеева В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности (на материале творчества Л.Н. Толстого). - М.: Академия, 2009. - 316 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Академия, 1984. - 368 с.
4. Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры предложения. - Черновцы, 2006. - 68 с.
5. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки. - М.: Наука, 1985. - 233 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Флинта, 2001. - 428 с.
7. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1977. - 295 с.
8. Бабайцева В. В. Эмоционально-оценочные предложения в современном русском языке. - М.: Русский язык, 2002. - 428 с.
9. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного произведения. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. - 267 с.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1994. - 447 с.

11. Будагов Р.А. Человек и его язык. - М.: Изд-во Москов. унив-та, 1996. - 429 с.
12. Вайгла Э.А. О разновидностях эмоциональной лексики. - Тарту, 2002. - 237 с.
13. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. - М.: Академия, 2008. - 432 с.
14. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
15. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. - М.: Высшая школа, 2000. - 328 с.
16. Вежбицка Л. А. Толкование эмоциональных концептов //Язык. Культура. Познание. - М.: Просвещение, 1997. - 318 с.
17. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. - М.: Наука, 2003. - 223 с.
18. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Русский язык, 1986. - 639 с.
19. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 2001. - 269 с.
20. Воркачев С. Г. Оценочные коннотации и функциональная компенсация в смысловом ряду предикатов желания. - Екатеринбург, 2003. - 270 с.
21. Вригт Х.Г. Логико-философские исследования. - М.: Наука, 1996. - 287 с.
22. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. - М.: Русский язык, 2003. - 350 с.
23. Гибатова Г.Ф. Семантическая категория оценки и средства ее выражения в современном русском языке. - Уфа, 2000. - 328 с.
24. Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении: Дис...канд. филол. наук. - Пермь, 2002. - 257 с.

25. Громов П. А. О стиле Льва Толстого. Становление диалектики души. - СПб.: Художественная литература, 2001. - 269 с.
26. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. - Т.6. - СПб.: Наука, 1996. - 525 с.
27. Емельянова О. Н. Ассоциативное поле существительных с семантикой чувства. - М.: Высшая школа, 2000. - 373 с.
28. Ершова И. В. Семантика конструкций со значением оценки и контекст// Проблемы лингвистического анализа текста и лингвистические задачи. - Иркутск: Звезда, 2001. - С.29-30.
29. Жуков В. П. Русская фразеология. - М.: Просвещение, 1986. - 310 с.
30. Золотова Г. А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. - М.: Просвещение, 1992. - 386 с.
31. Золотова Г. А. О категории оценки в русском языке. - М.: Высшая школа, 2000. - 268 с.
32. Ивин А. А. Основания логики оценок. - М.: Просвещение, 2006. - 230 с.
33. Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. - М.: Наука, 2000. - 318 с.
34. Кожин А.Н. О функциональном аспекте русской лексикологии. - Воронеж, 1997. - 328 с.
35. Козлова С. М. Поэтика рассказов В. Шукшина. - Барнаул, 2000. - 425 с.
36. Колясева Т.Ю. Стилистически маркированная эмоционально-оценочная лексика в художественных произведениях. - М.: Флинта: Наука, 2008. - 158 с.
37. Коробов В.И. Василий Шукшин. - М.: Художественная литература, 2004. - 378 с.
38. Кругликова Г.Г. К семантике количественной оценки // Языковые единицы в речевой коммуникации. - СПб.: Просвещение, 2001. - 378 с.
39. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение

речи. - М.: Флинта, 2001. - 367 с.

40. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. - СПб.: Норинт, 2000. - 1292 с.

41. Кунин А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки. - М.: Русский язык, 1980. - 185 с.

42. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. - Новосибирск, 2001. - 189 с.

43. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. - М.: Академия, 1999. - 269 с.

44. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. - М.: Академия, 2006. - 328 с.

45. Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. - СПб.: Просвещение, 2000. - 322 с.

46. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. - Т.2. - М.: Наука, 1990. - 238 с.

47. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1994. - 892 с.

48. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Высшая школа, 2005. - 271 с.

49. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. - СПб.: СПбГУ, 2004. - 145 с.

50. Родимкина А. М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Л., 1980. - 22 с.

51. Селезнев А.В. Мысль изреченная // Художественный текст и языковая система. - Тверь, 2006. - 328 с.

52. Сенкевич В. И. Категория оценки в белорусском и русском языках (на материале названий лица): Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Минск, 1997. - 23 с.

53. Сергеева Л. А. Категория оценки и способы ее выражения в современном русском языке // Исследования по семантике (семантика языка и речи). - Уфа, 1991. - 323 с.
54. Сергеева Л.А. Прилагательные, выражающие абстрактную оценку «хороший», «плохой» в современном русском языке. - М.: Флинта, 2003. - 249 с.
55. Словарь современного русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981.
56. Смирнова Л.Г. Слова с оценочным компонентом значения разной частеречной принадлежности. - СПб.: Слово, 2010. - 369 с.
57. Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. - М.: Высшая школа, 2004. - 735 с.
58. Таратинская Л.А. Формы субъективной оценки прилагательных как средство характеристики персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». - М.: Изд-во МГОУ, 2008. - 108 с.
59. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. - 144 с.
60. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке //Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Флинта, 2001. - 328 с.
61. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах. - М.: Художественная литература, 1998. - Т.4-6.
62. Физический энциклопедический словарь: В 5 т. - М.: Энциклопедия, 1985. - Т.4. - 592 с.
63. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации. - М.: Русский язык, 1998. - 263 с.
64. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. - М.: Энциклопедия, 1987. - 658 с.
65. Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. - М.: Художественная литература, 2004. - 278 с.

66. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок. - М.: Академия, 2005. - 259 с.
67. Христианство: Энциклопедический словарь: в 2-х т. - М.: Наука, 1993.
68. Худяков И. Н. Об эмоционально-оценочной лексике. - СПб.: Наука, 2000. - 317 с.
69. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. - М.: Высшая школа, 1995. - 160 с.
70. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. - СПб.: Просвещение, 2001. - 339 с.
71. Шукшин В.М. Собрание сочинений в 3 т. - М.: Художественная литература, 1985. - Т.2-3.

Интернет-ресурсы

1. [dostoevskiy.net.ru\lib/op/author/321](http://dostoevskiy.net.ru/lib/op/author/321)
2. [soshinenie.ru\...dejstvuyushhix-lic-v-romane-idiot](http://soshinenie.ru...dejstvuyushhix-lic-v-romane-idiot)
3. bygeo.ru\strany/polsha...ocenochnye-prilagatelnye
4. do.gendocs.ru\docs/index-77377.html
5. cat.anadyrstud.ru\work...Ocenochnye-prilagatelnye-v
6. iling.spb.ru\grammatikon/child/ja.html
7. rudocs.exdat.com\docs/index-230529.html
8. lib.ua-ru.net\diss/cont/175642.html
9. teoria-practica.ru\2-2012/philology
10. turboreferat.ru\rhetoric/vyrazitelnost-kak
11. vanark.ucoz.com\publ/shpora/jazykovedenie
12. [gerebilo.ucoz.ru\...leksikogoaficheskie...sredstva](http://gerebilo.ucoz.ru...leksikogoaficheskie...sredstva)